

МАРИЯ ФЕДОРОВНА

Александр БОХАНОВ

ВЕЛИКИЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПЕРСОНЫ

Великие исторические персоны

Александр Боханов

Мария Федоровна

«ВЕЧЕ»

2013

Боханов А. Н.

Мария Федоровна / А. Н. Боханов — «ВЕЧЕ», 2013 — (Великие исторические персоны)

Эта книга об удивительной женщине, прожившей большую, похожую одновременно и на сказку, и на приключенческий роман жизнь. Невестка Императора Александра II, жена Императора Александра III, мать Императора Николая II. Большую часть своего земного бытия Императрица Мария пребывала на той общественной высоте, где вершились судьбы государств, империй и народов. И она в полной мере на себе ощутила неумолимость хода времен, став в XX веке одной из первых жертв беспощадного «колеса истории». Но эта маленькая женщина смогла преодолевать, казалось бы, непреодолимое, научилась находить луч света надежды даже в непроглядной тьме окружающей действительности. Она выдержала. Она выстояла. До последнего часа земной жизни она оставалась русской царицей, сохранявшей в сердце сострадание к людскому горю, любовь к России, веру в Бога и надежду на Его милость.

© Боханов А. Н., 2013

© ВЕЧЕ, 2013

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Глава 1	7
Глава 2	19
Глава 3	31
Глава 4	39
Глава 5	48
Глава 6	56
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Александр Боханов

Мария Федоровна

*Пересмотрите всё мое добро,
Скажите – или я ослепла?
Где золото мое? Где серебро?
В моей руке – лишь горстка пепла!
И это всё, что лестью и мольбой
Я выпросила у счастливых.
И это всё, что я возьму с собой
В край целований молчаливых.*

Марина Цветаева

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга об удивительной женщине, прожившей большую, похожую одновременно и на сказку, и на приключенческий роман жизнь – Императрице Марии Федоровне (1847–1928). Невестка Императора Александра II, жена Императора Александра III, мать Императора Николая II.

Став Русской Императрицей в 1881 году, Мария Федоровна до самой смерти несла тяжелую ношу своего Царского звания с поразительным мужеством и поистине царственным достоинством. Эта невысокая, изящная женщина явила миру нетленный образец служения России, не раз доказав на деле, что во имя нее готова пожертвовать собственной жизнью...

Ее в детстве звали Дагмар (полное имя – Мария-София-Фридерика-Дагмар), и происходила она из королевского дома Шлезвиг-Гольштейн-Зонденбург-Глюксбургских, представители которого находились на датском престоле с начала XVII века. Выросшей в скромной уединенности маленькой Дании, любимой дочери короля Христиана IX суждено было стать Императрицей крупнейшей мировой Империи, оказаться на авансцене мировых событий.

Большую часть своего земного бытия Императрица Мария пребывала на той общественной высоте, где вершились судьбы государств, империй и народов. И она в полной мере на себе ощутила неумолимость хода времен, став в XX веке одной из первых жертв беспощадного «колеса истории». Провидение сотворило ей великую и неповторимую судьбу, вобравшую и причудливо смешавшую искреннюю радость и неподдельное горе, сердечное счастье и нестерпимую боль, светлые надежды и черные разочарования, восторженные триумфы и великие крушения. Она познала и восхищенное людское поклонение, но и звериную ненависть толпы.

Мария Федоровна знала, что значит искренне любить и быть так же любимой. Как мать и как светская женщина, она из земных благ имела такие радости и богатства, которые доступны воображению далеко не всякого человека. Но ей пришлось пройти и через страшные испытания: провожать в последний путь своего мужа и двоих сыновей, оплакивать гибель других сыновей и пятерых внуков.

Императрицу Марию прекрасно знали и чтили самые влиятельные королевские и аристократические династии Европы, она состояла со многими владетельными домами в близком родстве. Ее братья, сестры, кузены, кузины, племянницы и племянники носили звания королей и королев, имели самые высокородные фамильные титулы. Старший брат Марии Федоровны Вильгельм правил с 1863 года в Греции под именем короля Георга I. Другой брат – Фредерик – с 1906 года носил корону Датского королевства, а сестра Александра с 1901 года, как супруга короля Эдуарда VII, имела титул королевы Великобритании и Ирландии. Младшая же сестра Марии Федоровны Тира (Тюра) состояла в браке с Эрнестом-Августом, герцогом Кумберленд-

ским, а брат Вальдемар был женат на принцессе Марии Орлеанской, старшей дочери герцога Шартрского.

После убийства летом 1918 года Николая II и его семьи Мария Федоровна осталась единственным и последним живым воплощением некогда великой и, как казалось, нерушимой Империи Царей, с которой была неразрывно связана более полувека. И это некогда могучее царство, ставшее ей второй родиной, еще при ее жизни исчезло с лица планеты, превратившись лишь в величественный и красочный отпечаток минувшего времени.

На закате своих дней она не просто лишилась царской роскоши и почета. Рухнул весь тот мир, который был для нее понятным и родным, а ей суждено было доживать свой век совсем в ином мире, чем тот, где она родилась, выросла и впечатлениями которого жила до самой старости.

Этой женщине, матери, императрице пришлось на своем веку испытать такие горькие чувства и безысходные страдания, которые другие бы не смогли перенести. Не раз приходилось преодолевать жизненные рубежи, когда желанным избавлением от беспросветной муки повседневности могло стать лишь небытие. Но эта маленькая женщина смогла преодолевать, казалось бы, непреодолимое, научилась находить луч света надежды даже в непроглядной тьме окружающей действительности.

Она выдержала. Она выстояла. До последнего часа земной жизни она оставалась русской царицей, сохранявшей в сердце сострадание к людскому горю, любовь к России, веру в Бога и надежду на Его милость.

Глава 1

УХОД

Мария Федоровна прожила восемьдесят лет и одиннадцать месяцев. Императрица родилась 14 (26) ноября 1847 года в Копенгагене. Отошла же в мир иной 13 октября 1928 года вдалеке от России, на небольшой двухэтажной вилле Видёре (Hvidore) в дачном пригороде Копенгагена Клампенборге.

За неделю до того состояние Императрицы начало заметно ухудшаться. Невзирая на это она продолжала до последнего дня интересоваться событиями и просила регулярно читать ей датские газеты. Ежедневно ее навещал младший брат принц датский Вальдемар и младшая сестра принцесса Тира (Тюра) – герцогиня Кумберлендская. Заехал проведать старую тетушку и племянник, Датский Король Христиан (Кристиан) X, к тому времени находившийся на Троне более шестнадцати лет.

Русская Царица неизменно радовалась встрече с родными и, невзирая на слабость, охотно беседовала с ними на нескончаемые семейные темы. Она помнила всех своих многочисленных племянников и племянниц и всегда живо обсуждала дела и заботы младших представителей Датского Королевского Дома.

12 октября Мария Федоровна начала быстро слабеть и после полудня, 13 октября, впала в забытё. В начале четвертого часа королевский врач Мортен Кнудсен объявил близким, что летальный исход может наступить с минуты на минуту. Временами умирающая приходила в себя, ласково смотрела на окружающих и произносила отдельные, плохо различимые слова.

В 19 часов 18 минут 13 октября 1928 года Императрица испустила последний вздох и уснула вечным сном. Смерть наступила, по заключению врачей, «от слабости сердца». Несколько минут спустя в комнату вошел духовник Императрицы, настоятель церкви Святого Александра Невского в Копенгагене и духовник усопшей священник Леонид Колчев (1871–1944), сложил руки усопшей на груди и прочитал отходную молитву.

Последние дни у постели умирающей бесменно дежурили ее дочери: старшая Ксения и младшая Ольга. Великие княгини всю жизнь глубоко чтили матушку, и ее кончина оказалось для них тяжелым потрясением. Презрев светские условности и не стесняясь присутствовавших, они рыдали навзрыд.

Беженская жизнь разметала сестер; виделись они последние годы довольно редко. Ольга почти неотлучно жила на вилле Видёре, выполняя при «дорогой Мамá» роль сиделки, медсестры и наперсницы. Здесь же все время был и второй муж Ольги, бывший ротмистр Лейб-гвардии Кирасирского Ее Императорского Величества полка Николай Куликовский, которого венценосная теща, невзирая на незнатное происхождение, ценила и уважала как человека честного, доброго и открытого.

Конечно, брак дочери Царя с простым офицером невольно создавал щекотливые ситуации. Марии Федоровне и ее детям приходилось встречаться с членами Королевских Домов, присутствовать на аристократических встречах и приемах, и в этот заповедный великосветский мир безродному зятю Императрицы доступ был закрыт раз и навсегда. В «корпорации голубых кровей» душевные симпатии и личные качества статус человека определять не могли. Мария Федоровна никогда не сомневалась, что династический этикет нерушим и не терпит никакого компромисса.

Великая княгиня Ольга в полной мере ощутила на себе воздействие этого бездушного принципа, и Мария Федоровна о том хорошо знала. Выйдя по настоянию матери в 1901 году в возрасте девятнадцати лет замуж за родовитого принца Петра Ольденбургского, порфирородная дочь Царя Александра III получила тяжелую участь. Пятнадцать лет Ольга Алексан-

дровна мучилась, страдала, переносила полное безразличие супруга, интересовавшегося лишь карточной игрой и дружескими застольями. Она была лишена не только полноценного супружества, великой радости материнства, но не ощущала даже дружеского расположения со стороны принца. Только через пятнадцать лет последовал разрыв.

Когда в 1916 году Ольга объявила о желании связать свою жизнь с адъютантом своего номинального принца-мужа, то ни у кого из Романовской семьи не нашлось ни одного слова осуждения намечающегося мезальянса. Мать одобрила это решение и была счастлива за младшую дочь, познавшую наконец и настоящую любовь, и радость материнства. В декабре 1916 года Мария Федоровна писала Николаю II из Киева: «Такая радость видеть ее сияющей от счастья, слава Богу... И он очень мил, натуральный и скромный».

Дети Ольги Александровны, два шаловливых крепыша-мальчугана Тихон и Гурий, доставили старой Императрице немало приятных минут в последние годы жизни. Хотя они нередко шумели выше всякой меры, что порой раздражало и нервировало, но бабушка на них не сердилась.

Старшая же дочь Марии Федоровны, Ксения Александровна, жила почти безвыездно в Англии. Мать долго считала, что семейное счастье Ксении устроено прочно, хотя вначале и не питала особого расположения к избраннику Ксении – Великому князю Александру Михайловичу, приходившемуся жене двоюродным дядей. Потом все как-то образовалось, и теща если и не полюбила зятя, то проявляла к нему очевидное благоволение.

У Ксении и Александра Михайловича («Сандро») было семеро детей: дочь Ирина и сыновья Андрей, Федор, Никита, Дмитрий, Ростислав, Василий. Все они избежали гибели в России и выехали оттуда вместе с бабушкой, которую потом видели редко. Некоторые уже обзавелись собственными семьями, имели детей, так что Мария Федоровна успела дожить до появления нескольких правнуков.

Счастье Ксении было полным, но недолговечным. Ее муж, человек непоседливый, амбициозный и претенциозный, в одном из своих многочисленных странствий по миру встретил некую даму, которая его обворожила. Он забыл о происхождении, о долге, о жене, о детях, о России. Он несколько лет сгорал от страсти и собирался даже, бросив все, уехать со своей возлюбленной жить в Австралию. Но у последней хватило благоразумия не одобрить это великокняжеское безрассудство.

В конце концов «неповторимый Сандро» рассказал все Ксении Александровне, для которой это явилось страшным ударом, так как своего мужа она любила глубоко и искренне. Произошли неприятные объяснения, но в итоге они решили оставить все по-старому и внешне почти десять лет сохраняли видимость семейного благополучия.

Революция разрушила этот вымученный союз. В эмиграции, не таясь, жили порознь; жена – в Англии, муж – на Юге Франции. Покой же «дорогой матушки» они берегли, не раскрывая ей причин подобной ситуации. Так и осталось неясным, насколько Мария Федоровна была посвящена в драму семейной жизни Ксении и была ли посвящена в нее вообще. В эмиграции Сандро не проявлял интереса к своей теще и увидел ее на смертном одре лишь через много лет после расставания.

До конца с Императрицей находились несколько лиц из числа бывшего окружения некогда блестящего Императорского Двора: фрейлина графиня З.Г. Менгден (1878–1950), князь С.А. Долгорукий (1872–1933), горничная С.Г. Грюнвальд, более тридцати лет верой и правдой служившая покойной и ставшая для нее незаменимой.

Здесь же, на вилле, несли свою бессменную вахту и двое рослых бородатых мужчин, последние преданные Лейб-казаки, почти пятнадцать лет бессменно состоявшие при Императрице: К.И. Поляков (1879–1934) и Т.К. Ящик (1878–1946). В тот день слезы постоянно текли по лицам этих уже немолодых русских солдат, беззаветно преданных «Матушке Импе-

ратрице». Так, преданно, верно и до конца, по заповедям своих предков и по воле Господа Бога, служили Царям раньше их отцы и деды.

Не скрывали своих горестных чувств и другие. Потеря была велика и невосполнима для всех знавших Марию Федоровну, и не только по чувству долга, но и по зову сердца последовавших за ней в изгнание, обрекая себя на тяжелую долю в незнакомой стране, где они были никому не нужны, кроме той, кому обязаны были сохранять верность до последнего вздоха.

Известие о печальном событии быстро разнеслось. Через несколько минут после смерти радио Копенгагена передало экстренное сообщение, после которого прекратило свои передачи до конца дня. Не прошло и получаса, как на виллу Видёре прибыл автомобиль с Королем Дании Христианом X и Королевой Александриной, урожденной Принцессой Мекленбургской. В небольшой гостиной на первом этаже они выразили соболезнование Великим княгиням.

В тот же вечер в русской церкви в Копенгагене была отслужена панихида, на которой присутствовала вся русская колония. Король Христиан первоначально не хотел устраивать торжественных официальных похорон «Императрице Дагмар» – старейшей представительнице Датского Королевского Дома. Он опасался «политических осложнений». Однако скорбь в Дании стала настолько всеобщей, что Королю пришлось уступить. В стране был объявлен четырехнедельный траур.

Все датские газеты поместили обширные некрологи, содержавшие много проникновенных слов об усопшей. Распространенная «Nationaltidende» восклицала 14 октября: «Дания оплакивает сегодня свою умную и мужественную дочь».

В день кончины, вечером, родные и близкие собрались на литию в опочивальне Императрицы. Покрытое цветами тело усопшей покоилось еще в постели, у которой на коленях, со слезами на глазах молились дочери, младший сын Ксении Василий Александрович, приближенные. Присутствовали также датский король Христиан X, принц Вальдемар, принц Георг Греческий (племянник Марии Федоровны), герцогиня Кумберлендская, принцы и принцессы Датского Королевского Дома.

Смерть Русской Императрицы, занимавшей видное место в европейской династической иерархии, не прошла незамеченной и в других странах. Помимо Датского Двора, траур был объявлен при королевских домах Лондона и Белграда.

Крупнейшие европейские газеты поместили некрологи и памятные статьи, с сочувствием говоря об умершей, олицетворявшей целую эпоху европейской истории и пережившей страшные невзгоды. Парижская «Эко де Пари» писала: «Франция должна почтить память своего большого друга, а также эту скорбную мать, достойную бесконечного сожаления».

Английская «Дейли Телеграф» в передовой статье заявляла: «Императрица Мария Федоровна так часто бывала нашей гостьей и требует такого внимания к себе, в качестве сестры покойной Королевы Александры, что весть о ее кончине должна вызвать горечь у англичан и снова напомнить им о горькой трагедии Династии Романовых».

Самым же сильным потрясением, наибольшей горечью весть о кончине Марии Федоровны отозвалась в душах сотен тысяч русских, переживших кровавый вихрь революции и коротавших свои дни чуть ли не во всех странах мира. В православных церквях по всему свету, от Токио и Шанхая до Нью-Йорка и Буэнос-Айреса, служились панихиды, горели поминальные свечи.

Россия, та страна, которая оставалась жить в сердцах и душах людей, просталась со своей Царицей. И хотя уже более десяти лет не существовало Царства Двуглавого Орла, не осталось тронов и корон, которые были поруганы и разрушены беспощадными «улучшателями жизни», но Царица была, являясь для русских людей памятью и надеждой. Горечь русских сердец от невосполнимой потери священник Леонид Колчев выразил проникновенными словами: «Чистый воск догорел, пламя потухло. Жизнь нашей милой Матушки Императрицы окончилась. Многие миллионы детей России остались сиротами».

Вся печать русской диаспоры, вне зависимости от политических пристрастий, откликнулась на смерть Последней Императрицы. Выходившая в Париже одна из наиболее влиятельных и тиражных эмигрантских газет «Возрождение» в передовой статье писала: «С кончиною Императрицы Марии Федоровны окончился великий период русской истории; в Дании, в скромной вилле, охраняемой последним Лейб-казакком, выше всей нашей борьбы, вне всех наших политик и тактик, над всеми нами, как живой символ былой Империи, пребывала в скромности и тишине последняя Российская Императрица, и кончина Ее как бы подводит траурную черту той части истории, которая разбита и разметана революцией».

Центром беженской России была Франция и ее столица, где службы отличались особой торжественностью и многолюдностью. В главном православном храме Парижа Александро-Невском соборе на улице Дарю поминальные службы шли почти непрерывно. Сюда приходили отдать последнюю дань венценосной соотечественнице, помолиться за упокой ее души представители известнейших аристократических фамилий, офицеры и сановники, бывшие чины бывшего императорского двора: гофмейстеры, фрейлины, камергеры, шталмейстеры и другие, чудом избежавшие расправы у себя на родине. Здесь же можно было увидеть и политических деятелей, людей науки, искусства, литературы.

Вся улица Дарю с утра и до позднего вечера была полна народу, запружена автомобилями. Люди прощались не только с Царицей, но и со своим прошлым, с молодостью, мечтами, со всем тем, что составляло смысл их жизни там, на далекой и потерянной теперь родине, и что помогало жить здесь, в чужих и таких неприятных для русской души «европейских палестинах». Время не щадило никого и ничего. Оно было неумолимо и все дальше и дальше уносило образы, звуки и ощущения теперь уже легендарной страны России. Самым же величественным отблеском того погибшего мира и являлась покойная Царица.

Со слезами на глазах в православных храмах Парижа горячо молились и две известные дамы, в свое время доставившие немало переживаний Марии Федоровне. Одна из них – юношеское увлечение старшего сына Императрицы, тогда еще Цесаревича Николая Александровича, известная балерина Матильда Кшесинская (1872–1971), к этому времени уже сумела породниться с Русским Императорским Домом, обвенчавшись в 1921 году с кузеном Николая II Великим князем Андреем Владимировичем.

Другая – Наталья Сергеевна Брасова (урожденная Шереметьевская, 1880–1952), еще в 1912 году стала морганатической супругой младшего сына Императрицы Великого князя Михаила Александровича. После революции и убийства Михаила Брасова покинула Россию, растила сына Георгия – внука Императрицы, но Мария Федоровна долго не могла даже слышать имя «этой женщины», хотя внук ей и был однажды представлен сыном Михаилом.

Однако встреча все-таки состоялась. Находясь в Англии в 1923 году, Императрица не могла отказать в приеме той, которая доставила ей столько переживаний. 17 (30 апреля) 1923 года Мария Федоровна записала в дневнике: «В 11 ½ я приняла Брасову с маленьким сыном, которому теперь 12 лет. Он очень вырос с тех пор, как я его видела в последний раз. Он такой милый мальчик, но на моего дорогого Мишу совсем не похож. Их визит для меня был огромным душевным потрясением! Но она была мила и скромна, и они оба мне подарили по маленькому пасхальному яичку, сделанному из старого русского фарфора». Это была первая и последняя встреча; на похороны своей строгой свекрови в Данию Брасова не приехала...

В русских домах, в русских ресторанах и клубах все эти дни было много разговоров о покойной. Устраивались памятные вечера и беседы. Вспоминали различные страницы жизни этой датской принцессы, ставшей такой родной, такой русской, такой своей.

Газеты опубликовали страшную фотографию: Мария Федоровна в гробу. Маленькая, худенькая женщина, в белой наколке, из-под которой выступали некогда черные, теперь же почти седые локоны, с крестом в руках, сложенных на груди. Она мало изменилась; черты лица

были пронзительно знакомы и остались такими же, как двадцать или тридцать лет назад. Образ этой женщины в России был известен всем от мала до велика.

Ее портреты украшали стены учебных заведений, многих присутственных мест, витрины фешенебельных магазинов, страницы дорогих альбомов по истории России и Династии. Их постоянно публиковали самые распространенные газеты и журналы. Не было ничего удивительного в том, что в небогатом доме мещанина, в Богом забытой дыре, каком-нибудь Царёвококшайске, или в неказистой крестьянской избе, на видном месте, в красном углу, под традиционными иконами Николая Угодника и Казанской Божьей Матери висел и портрет Императрицы, вырезанный из иллюстрированного журнала. Ее знали и любили.

Эту любовь русские люди унесли в эмиграцию, и последние недели октября 1928 года стали днями ее памяти. Старики со слезой в голосе рассказывали о подробностях ее коронации, личных встречах с ней и ее незабвенным супругом Императором Александром III. С трепетом душевным, в который уж раз, восхищались мужеством Императрицы в тяжкие годы революционной смуты, твердостью ее воли и принципов. Из уст в уста передавалась история, происшедшая весной 1918 года, когда Крым, где находилась под большевистским арестом Мария Федоровна, заняли немцы.

Император Вильгельм II прислал своего представителя барона Штольценберга, предложившего императрице беспрепятственно покинуть опасное место и переехать при помощи германских властей в Данию. И тогда старая женщина, выдержавшая немало унижений и оскорблений от бывших своих подданных, чуть не убивших уже ее и ее близких, с истинно царским величием и достоинством воскликнула: «Помощь от врагов России? – Никогда!» Эти слова стали крылатыми и навсегда остались в летописи русского мужества и самопожертвования.

Всем русским беженцам приходилось на чужбине нелегко. Но никто не знал, никто не услышал, как было тяжело Царице – матери и вдове, потерявшей трон, детей и не имеющей возможности даже помолиться на могилах своих близких. С тех пор как все так резко и бесповоротно оборвалось 2 марта 1917 года, когда ее Ники отрекся от власти, жизнь перевернулась безнадежно. Все вокруг стало рассыпаться на глазах, и порой не хватало сил и желания идти вперед; не было воздуха, чтобы дышать полной грудью. Какой-то жуткий сон вдруг стал явью. Шли годы, а страшное видение все не проходило. И люди так невероятно изменились. Ей порой хамили те, кто еще вчера раболепствовал, она сталкивалась с холодным пренебрежением там, где еще недавно встречала лишь глубокое почтение.

Даже родственники начали относиться иначе. Когда в мае 1919 года, после пятилетнего перерыва, Мария Федоровна оказалась в Лондоне, то с горечью поняла, что они, Романовы, уже больше никому не нужны, стали для всех обузой. Нет, сестра ее, Английская Королева-Вдова Александра, ее «милая Аликс», осталась такой же, как всегда: доброй, ласковой, заботливой. Но она была уже старой и больной, удаленной почти от всех и от всего, коротая свои дни с дочерью Викторией – желчной старой девой. Племянник же Марии Федоровны – король Георг V не выказывал интереса к беженке и несколько раз демонстрировал холодное безразличие, хотя раньше относился всегда с неизменным почитанием. Теперь же, как ей объясняла Аликс, стараясь выгородить сына, «политическая ситуация была очень сложной».

С прохладным приемом столкнулась Царица-Изгнанница и по приезду в Данию, где другой ее племянник, король Христиан X, был еще менее расположен оказывать тетушке особые знаки внимания. В начале были неприятные объяснения, размолвки, но в конце концов Мария Федоровна свыклась со своей участью и смирение овладело ее душой. Она никому не жаловалась и ни на кого не сетовала.

Годы изгнания, новый мир людей, вещей и ситуаций не могли не влиять на взгляды Императрицы, которые она всегда меняла с большим трудом. Но надо было уметь по-новому воспринимать то, что раньше казалось «ясным раз и навсегда».

И может быть, самое примечательное превращение касалось ее отношения к невестке Императрице Александре Федоровне. В эмиграции Мария Федоровна уже не воспринимала ее так, как до того. Прошли неудовольствия и раздражения. Теперь это все ушло. Больше ни одного упрека, ни одной двусмысленности.

Когда же Мария Федоровна прочла книгу подруги Александры Федоровны госпожи Лили Ден «THE REAL TSARINA», вышедшую в Лондоне в 1922 году, то многое иначе открылось. Она увидела Невестку такой, какой в общем-то никогда и не знала – великой и мужественной Женой, Матерью, Императрицей. Мария Федоровна умела ценить благородство, честь, преданность, и теперь она сумела оценить Аликс, которой пришлось пережить такие муки и страдания, по сравнению с которыми собственные мало чего и стоили...

Перестав быть Царицей для «королевских особ», Мария Федоровна оставалась таковой для русских, жадно ловивших каждое ее слово. Большое впечатление на русскую диаспору произвело опубликованное в газетах предсмертное желание Царицы, чтобы после уничтожения советской власти ее тело было перевезено в Петербург и погребено рядом с могилой Императора Александра III.

Еще раньше долго обсуждали и ее решение не признавать «Императором» Великого князя Кирилла Владимировича, объявившего себя таковым в 1924 году в Париже.

Вопрос о законном преемнике Императора Николая II расколол эмиграцию, привел к многолетним утомительным тяжбам и пререканиям. Образовались две главные «партии» – «кирилловцы» и «николаевцы». Первые группировались вокруг Великого князя Кирилла Владимировича, а вторые – отстаивали права Великого князя Николая Николаевича.

Осенью 1924 года в печати появилось письмо Императрицы Марии Федоровны, адресованное Великому князю Николаю Николаевичу, вызвавшее большой резонанс: «До сих пор нет точных известий о судьбе Моих возлюбленных Сыновей и Внука, а потому появление нового Императора Я считаю преждевременным. Нет еще человека, который мог бы погасить во Мне последний луч надежды... Если же Господу, по Его неисповедимым путям, угодно было призвать к Себе Моих возлюбленных Сыновей и Внука, то Я, не заглядывая вперед, с твердою надеждою на милость Божию полагаю, что Государь Император будет указан Нашими основными Законами в союзе с Церковью Православною совместно с Русским Народом. Молю Бога, чтобы Он не прогневался на Нас до конца и скоро послал Нам спасение путями, Ему только известными».

Уважение к Императрице было столь велико, что никто не рискнул публично подвергнуть критике ее позицию, хотя она серьезно поколебала позиции «кирилловцев»...

Главные траурные церемонии происходили в Дании, и порядок похорон был определен королем Христианом X. В Копенгаген стали съезжаться родственники, известные деятели русского зарубежья: Великий князь Александр Михайлович (зять покойной), Великий князь Кирилл Владимирович, Великая княгиня Мария Павловна (Младшая), князь императорской крови Гавриил Константинович, несколько других членов свергнутой династии; глава русского церковного управления за границей митрополит Евлогий (1868–1946), бывший премьер А.Ф. Трепов (1862–1928), представители от различных офицерских объединений и эмигрантских союзов.

Прибыли также и особы королевских кровей: племянник покойной Король Норвегии Гаокон (Хокон) VII, кронпринц шведский Густав-Адольф, сыновья английского короля Георга V: герцог Йоркский – будущий Король Георг VI, отец Королевы Елизаветы II и герцог Уэльский – будущий Король Эдуард VIII, Король Бельгии Альберт I и другие.

16 октября гроб с телом Императрицы покинул виллу Видёре. Императрица начала свое последнее путешествие, маршрут которого уже не зависел от ее воли.

Стоял теплый, тихий и солнечный день. Было почти безветренно; довольно редкий случай для осенней Дании, непрерывно продуваемой насквозь ветрами холодных морей. Окутан-

ный багряно-золотой пеленой Клампенборг провожал своего старожилу, человека, узнавшего и полюбившего этот столичный пригород давно, много десятилетий тому назад, когда не было еще ни кинематографа, ни телефона, ни электричества, ни автомобилей, но были эти тенистые и почти безлюдные в будние дни аллеи, эти ухоженные газоны, яркие цветники, утопающие в зелени виллы.

Еще молоденькой девочкой, на пороге своей юности, она бывала здесь со своими родителями, братьями и сестрами. Здесь они играли под сенью старых лип, принимала морские ванны, рекомендованные врачами, считавшими, что Принцесса, в силу хрупкости своего телосложения, непременно должна заниматься закаливанием. Она была слишком аккуратной, чтобы не следовать рекомендациям старших, но и слишком своенравной, чтобы безропотно подчиняться. Купалась же она всегда с большой радостью, довольно быстро научилась неплохо плавать и в шестнадцать лет уже могла заплывать довольно далеко.

В Клампенборг она привезла своего мужа, Цесаревича Александра Александровича, когда впервые вернулась из России в родительский дом после свадьбы. Это случилось летом 1867 года. Они провели вместе радостные часы, купаясь в море и отдыхая на берегу. И муж, выросший среди импозантных ландшафтных и пейзажных парков Царского Села, Петергофа и Гатчины, хорошо знакомый с почти девственной природой русской равнины, был очарован видом датской «сельскости», гармонией естественной красоты и дел рук человеческих.

Своей матери Императрице Марии Александровне Цесаревич писал в августе 1867 года: «Это прелестное место. Вся дорога, которая идет из Копенгагена вдоль берега моря, застроена дачами, и народу пропасть живет здесь. Эта дорога продолжается, я уверен, верст 10, и все одна дача за другой, и есть премилые дачи. По воскресеньям весь Копенгаген съезжается в Клампенборг, там бывают балы и увеселительные вечера».

Здесь, в Клампенборге, в десяти километрах на север от центра Копенгагена, Императрица Мария Федоровна со своей старшей сестрой и ближайшей подругой, Английской Королевой Александрой, после смерти в 1906 году отца Короля Христиана IX и решили приобрести собственную резиденцию. Посещая Данию, им теперь было слишком тяжело гостить в официальных королевских резиденциях, в тех местах, в тех стенах, где все было принижено воспоминаниями, где каждая вещь, любая комната напоминала о дорогих родителях, о сладкогорестных, навсегда ушедших событиях и образах давнего, но незабываемого прошлого.

Напополам с Александрой Мария Федоровна и купила виллу Видёре. Все серебро, фарфор, скатерти и даже постельное белье так до конца жизни Марии Федоровны были помечены монограммой обеих владелиц¹.

Английская Королева целиком доверяла вкусу младшей сестры, и Мария Федоровна вложила в оборудование и оформление первого (и последнего) собственного дома в Дании весь свой темперамент и максимализм. Для помещений покупалась лучшая штофная ткань различных расцветок, приобреталась изысканная мебель в стиле Людовика XVI и, конечно, в так любимом Царицей стиле «жакоб»; приглашались лучшие мастера – строители и краснодеревщики. И во все она вникала, все ее интересовало.

Сыну Императору Николаю II сообщила 9 сентября 1906 года: «В нашем доме Hvidegre мы были два раза... Мы были в восторге от него: вид такой чудный, прямо на море, такой красивый маленький сад, масса цветов, просто прелесть. Дом еще совсем не устроен. Мы выбрали разные материи для комнат, и я думаю, что будет удивительно мило и уютно».

На следующий год вилла была полностью обустроена и приняла своих Венценосных хозяек. Здесь было действительно «мило и уютно». Никто, конечно же, не мог предположить, что этот дом станет последним прибежищем для Русской Царицы, станет ее последним басти-

¹ Вскоре после смерти Марии Федоровны вилла Видёре была продана и со временем в ней разместилась больница.

оном и опорой в распадающемся мире, лишившим ее будущего. Подобное развитие событий тогда не могло привидеться и в самом дурном сне.

...Почти безвыездно в своем маленьком убежище провела Царица свои последние годы. Сидя на террасе в кресле, с шалью на плечах, с укутанным пледом ногами, в одиночестве, в каком-то трагическом оцепенении, которое ни в коем случае нельзя было нарушить, часами старая женщина смотрела в даль, на бескрайний морской простор. Что видела она там, на Востоке? Какие мысли ее одолевали, какие чувства волновали, какие молитвы она читала? Никому того не открыла.

Уходило время, исчезала старая знакомая жизнь, навсегда покинули самые близкие. Уже давно не было на свете милых родителей. В 1912 году умер жизнерадостный брат Фредерик, король Фредерик VIII, «милый Фреди», которого она и Александр III так искренне любили. В 1913 году погиб добрый брат Вильгельм – греческий король Георг, убитый террористом; в 1925 году скончалась незабвенная старшая сестра Александра, вдовствующая Английская Королева, ее «дорогая Аликс». Уходили и уходили родные и близкие. А она все жила и несла в сердце страшную боль, русскую боль.

Где-то за горизонтом, в далекой и такой родной стране, где все так страшно изменилось, остались бесценные могилы: обожаемого супруга, сыновей Александра и Георгия. Обладая ясной памятью, она все и всех помнила. Незабвенный муж, Император Александр III, «ее Саша», был с ней всегда. В ее разговорах, в ее воспоминаниях он оставался живым. Все, что с ней было до встречи с ним, всё, что с ней случилось после его преждевременной кончины, всё, всё находилось в тени этого несравненного образа.

Десятилетиями трепетно собирала и берегла реликвии, связанные с ее самым любимым: записки, письма, фотографии, подарки. И каждая вещь, любая мелочь немедленно высвечивала в памяти драгоценные эпизоды былого. Когда Мария Федоровна покидала Россию, при ней было мало семейных реликвий: небольшое число фотографий, немного писем, несколько икон, портретов и ларец-шкатулка с драгоценностями, наполненная главным образом подарками Александра III.

Но она увезла с собой необозримый и незабываемый груз чувств, звуков, ароматов, которыми владела безраздельно. Ей не требовались мемориальные предметы, чтобы уверенно, без подсказки, перелистывать книгу своей судьбы, многие страницы и главы которой она помнила наизусть до гробового входа.

Когда же случилось невероятное, невозможное, непостижимое, и на ее страну, на «ее Россию», обрушилось такое страшное бедствие – революционная чума, она не знала, как выжила и зачем выжила. Но одной истине она никогда в жизни не перечила: смысл людских радостей и печалей знает лишь Всевышний, а постигнуть ход судеб людей и народов смертным часто не дано. Царица не пыталась разгадать тайну времени и лишь как великой милости просила у Бога ниспослать ей сил душевных, чтобы суметь перенести все ниспосланное. Затворница в Видёре жила лишь прошлым, но ее горячая память сердца никогда не остывала...

Там на Востоке, так далеко, что и представить невозможно, затерялись следы ее старших сыновей Михаила и Николая. Последние весточки от них она получила еще в начале 1918 года – и больше никаких надежных известий не имела. А любимый внук Алексей, а четверо дорогих внушек?

Ни о ком ничего доподлинно не зная, уповала лишь на силы небесные, верила, что Господь не допустит их гибели! Любящее сердце не может предать, не смеет отказаться от надежды. Старая императрица ждала. Ждала все годы расставания, ждала, как только и может ждать женщина-мать: беззаветно, беспредельно, непрерывно.

В своей вере она была категорична и неумолима. Как вспоминал Лейб-казак Т.К. Ящик, свое отношение к разговорам о гибели ее Сына Николая она наглядно продемонстрировала, как только ступила на землю Англии в мае 1919 года. «Принц Уэльский был в утреннем

костюме, но в связи с получением сообщения о смерти Царя, которое обошло весь мир, у него на левой руке была траурная повязка. Когда Императрица ее увидела, то спросила, по кому он носит траур. Он ответил, что по ее Сыну, Русскому Императору и Его Семье. Императрица была крайне взволнована, и еще на вокзале она сорвала траурную повязку у своего племянника, наследника Трона».

Подытоживая свои наблюдения, верный казак заметил: «Я внутренне убежден, что Императрица вплоть до самой смерти сохраняла не только надежду, но также веру в то, что она опять увидит Императора».

В газетах же часто писали о Екатеринбургском злодеянии, приводили свидетельства и документы, раскрывающие во всех ужасающих подробностях детали убийства семьи Императора Николая II, а еще раньше – и его младшего брата Михаила.

Было уже доподлинно известно, что на Урале варварски уничтожены другие Романовы: фотографии извлеченных из шахты их тел обошли всю мировую печать. Много писали и о том, что останки алапаевской мученицы Великой княгини Елизаветы Федоровны усилиями ее родственников перевезли на Святую Землю и похоронили в храме Марии Магдалины в Иерусалиме. Но в характере Императрицы не было склонности к черной меланхолии. Она всегда знала, что если иметь доброе сердце, открытую душу, то Господь никогда не оставит.

Последние годы Мария Федоровна сама газет не читала. Она плохо видела и очень быстро уставала. Ей читали другие, те, кто разделял с ней беженство. Они знали ее настроение, знали, что нет неопровержимых доказательств гибели ее дорогих, что Императрица не хочет ничего слышать об этом ужасе, что она категорически запретила служить по Сыну Николаю панихиды.

Ее берегли, никогда не затрагивали эту тему, в ее присутствии не оглашали газетную информацию о гибели Романовых. Когда же бывали визитеры (она редко кого принимала, главным образом тех, кого помнила и хорошо знала по своей прежней жизни в России), то и они в беседе не переступали заповедную черту.

Но русская душа без ожидания чуда жить не может. Когда в середине 20-х годов распространились слухи о появлении в Берлине «чудом спасшейся» младшей Дочери Николая II Великой княжны Анастасии, то это вызвало сильное волнение среди русских изгнанников. Некоторые влиятельные русские эмигранты уверенно подтверждали достоверность этого факта после личной встречи с некоей госпожой Чайковской-Андерсон, внешне похожей на младшую Дочь Царя.

Датский посол в Берлине барон Цале сообщил эту сенсационную новость Датской Королевской Семье и Императрице Марии Федоровне. Последняя попросила старого и верного камердинера Царской Семьи Алексея Волкова (1859–1929) отправиться немедленно в Берлин и потом рассказать об увиденном.

В июле 1925 года преданный слуга посетил один из берлинских санаториев, где в изоляции содержалась эта, якобы чудом вырвавшаяся из кровавого большевистского ада, младшая Дочь Николая II. Все было доложено затем Императрице: девушка молодая, немного похожа на княжну Анастасию Николаевну, но русского языка не знает, родственников не помнит и «вообще не Анастасия Николаевна».

После этого доклада бабушка категорически отказалась признать родство с этой сомнительной личностью и сразу же закрыла навсегда эту тему. Ее сердце чувствовало, что позже полностью и подтвердилось, что «берлинская дама» – самозванка, а вся возня вокруг нее – авантюра.

В том же году Мария Федоровна высказалась категорически против намерения дочери Ольги поехать в Берлин и лично встретиться с девушкой, выдававшей себя за младшую дочь Царя – любимую Ольгину Крестницу. Но Ольгу так просили о том ее тетя герцогиня Кумберленская и дядя Принц Вальдемар, считавшие эту миссию необходимой: «чтобы раз и навсегда решить этот вопрос».

Дочь Ольга послушалась мать и провела осенью 1925 года четыре дня в Берлине рядом со странной, несомненно больной особой. В первый момент встречи ей показалось, что она видит действительно свою Крестницу. В чудесное спасение так хотелось верить, этого так ждало истерзанное потерями и разлуками сердце Великой княгини. Но очень скоро иллюзии рассеялись без следа.

Сразу же выяснилось, что претендовавшая на роль Дочери Царя девица ничего о жизни своей семьи не знает, да и вообще говорит лишь по-немецки, на языке, которому ее, Крестницу, не обучали. Окружающие эту Анастасию люди из числа приспешников сразу пояснили, что это случилось от «потери памяти», немецким же она овладела уже в Германии. Сомнений же Ольги все эти сбивчивые объяснения и разъяснения не развеяли. В конце своего пребывания она была уже убеждена, что перед ней самозванка.

«Когда я видела свою любимицу Анастасию летом 1916 года в последний раз, – вспоминала позже Ольга Александровна, – Ей исполнилось пятнадцать. В 1925 году Ей должно было исполниться двадцать четыре года. Мне же показалось, что госпожа Андерсон гораздо старше. Разумеется, следовало учесть ее продолжительную болезнь и общее плохое состояние здоровья. И все же не могли же черты Племянницы измениться до неузнаваемости. И нос, и рот, и глаза – все было другое». Ольга должна была признать правоту позиции своей матушки.

Для Марии Федоровны все эти признания не имели никакого значения. Она с самого начала не проявляла к этой истории особого интереса, хотя ждала своих дорогих и любимых Детей и Внуков, ждала до последнего земного мига бытия, но так и не дождалась. На земле им не суждено было уже встретиться.

Но она неколебимо уповала на грядущую встречу там далеко, в другой жизни, уже на небесах. Как истинная православная христианка, она ни минуты не сомневалась, что жизнь и смерть творится по воле Всевышнего, а Его Промысел простому смертному постичь не дано. Ее вера была столь проста и абсолютна, что вызывала восхищение даже у людей, не признававших ценностей Православия.

Ее, как сам себя называл, «непутевый зятек» Великий князь Александр Михайлович написал о Марии Федоровне: «Я завидовал своей теще. Ее слепая вера в истинность каждого слова Писания давала нечто более прочное, нежели просто мужество. Она была готова ко встрече с Создателем; она была уверена в своей праведности; разве не повторяла она все время: “На все воля Божья”?»...

16 октября 1928 года гроб с телом усопшей Императрицы был перенесен в православную церковь Александра Невского в центре Копенгагена, храм, построенный по желанию и на личные средства Александра III.

Траурная процессия растянулась почти на километр, и за гробом шли тысячи людей. На тротуарах, по пути следования, стояли многотысячные толпы; мужчины снимали головные уборы, некоторые женщины не могли скрыть слез. Датчане, воспитанные в лютеранской традиции, не были склонны, в отличие от русских, воспринимать монархов как Помазанников Божьих. Но покойную они знали и весьма уважали: и как дочь доброго, старого короля Христиана IX, и как женщину, всегда проявлявшую любовь к своей «первой родине».

В Дании члены Королевского Дома были окружены уважением, но в повседневной жизни не были сильно вознесены над простыми смертными, не были так удалены и изолированы от них. Принцы и принцессы ездили в открытых экипажах, без всякой охраны, и вместе с Королем запросто бывали в магазинах, театрах, на многочисленных народных праздниках и гуляниях.

Многие датчане лично знали умершую, «милую Дагмар», которая, и переехав в Россию, регулярно возвращалась к родительскому очагу. Ее встречали часто в Клампенборге на прогулках вдоль моря, в парках и садах Копенгагена. Хотя она была могущественной Царицей в загадочной восточной Империи, но здесь, на родной земле, она была открыта и доступна для общения. К ней подходили, с ней разговаривали, иногда просили совета или помощи. И она

никогда не демонстрировала высокомерия, ко всем относилась с теплым участием, вызывавшим симпатию.

Чувство симпатии лишь усилилось, когда датчане узнали о страшных перипетиях ее жизни в России, ужасные подробности о смерти ее родных и близких. Сто тысяч жителей Копенгагена вышли на улицу во время движения траурного кортежа, и такого многолюдья тихая столица Датского Королевства давно не видала. Флаги были приспущены, витрины лавок и контор по пути следования процессии были задрапированы черным крепом.

Только советская миссия в Копенгагене, обосновавшаяся в старом здании посольства России, не выражала никаких признаков участия. Коммунисты-дипломаты внимательно следили за деятельностью «монархической реакции», и Мария Федоровна давно уже была у них, что называется, «бельмом на глазу».

Один раз, вскоре после установления дипломатических отношений с коммунистическим режимом в 1924 году, потребовали даже ее высылки из Дании. Наглое требование вызвало шквал возмущения, получило негодующий отклик на страницах газет разных политических направлений. Общественная реакция оказалась столь сильной, что премьер-министр социал-демократ Стаунинг вызвал советского представителя и выразил ему протест, заявив, что не уступит подобным требованиям, и попросил донести это мнение до сведения правительства в Москве.

Уже после погребения Царицы полномочный представитель СССР в Копенгагене М. Кобецкий доносил в Министерство иностранных дел в Москву: «Похороны бывшей царицы Марии Федоровны были, по желанию короля, организованы как “семейное событие”. Из дипломатов был приглашен только дуайен. Вообще король и МИД проявили в этом случае по отношению к нам полную корректность: нигде не было вывешено ни одного старого русского флага, эмигрантам-офицерам было запрещено стоять в почетном карауле в мундирах и т. д. Друг эмигрантов, латышский генконсул датчанин В. Христиансен вывесил было трехцветный флаг, но мы позвонили в МИД, и флаг был убран».

«Смерть старухи, – подытоживал свои наблюдения дипломат-коммунист, – несомненно будет способствовать дальнейшему разложению местной белой колонии. Большинство газет по поводу похорон писало, проливая слезы умиления, что это похороны старой России».

Советский дипломат лгал, стараясь в своем донесении умалить значение происшедшего, которое на самом деле носило характер события европейского. Как образно выразился позже участник похорон Великий князь Александр Михайлович, «за гробом ее шло чуть не полсотни коронованных особ, и столько посланников и чрезвычайных послов набилось в Копенгагенский кафедральный собор, что впору было развязывать еще одну мировую войну».

Король Христиан X с самого начала хотел, чтобы похороны его тетки, которую он никогда не любил, а во время ее последних лет жизни терпел с большим трудом, прошли как можно скромнее и никоим образом не носили характера государственного события. Датский МИД целиком поддержал такое намерение, считая, что в противном случае это «неблагоприятно отразится на отношениях с СССР».

Возможно, это событие и прошло бы неприметно, но все разрушили человеческие чувства. Глубокие симпатия и любовь, которые вызывала умершая и у датчан, и у русских, спутали все планы Короля и его пугливых министров. Как заметила по этому поводу дочь покойной Ольга Александровна: «В конечном счете кузену (Христиану X. – А. Б.) пришлось изменить свое решение, уступив мнению общества».

Проводы Марии Федоровны, в которых участвовали тысячи и тысячи людей разного возраста, не стали менее грандиозными от того, что их проигнорировала часть дипломатического корпуса и некоторые официальные лица из правительства. Бездыханное тело удостоилось тех торжественных церемониальных почестей, которых Мария Федоровна была лишена в марте 1917 года...

Гроб с телом покойной прибыл в русский храм около 12 часов дня и был внесен в собор на руках русских офицеров и родственников. Около него был поставлен почетный караул из двух русских офицеров и двух представителей русского общества. Первая панихида началась сразу же, и на ней присутствовала Королевская Семья, родственники, дипломатический корпус. В 6 часов началась вечерняя панихида, не менее многолюдная, но менее официальная.

Гроб утопал в цветах и венках и от отдельных лиц, и от глав государств: короля Бельгии, президента Финляндии, короля Швеции, президента Бразилии, президента Китая и др. Самый же большой и красочный венок из живых роз, невольно привлекавший внимание, был от президента Франции Гастона Дюмерга.

Мария Федоровна покоилась в белом гробу, убранном цветами и покрытом русским Андреевским и датским национальным флагами. По желанию родных тело не было набальзамировано, и 17 октября, после дневной панихиды, гроб был закрыт и помещен в цинковый саркофаг.

И наступил последний день – день погребения. 19 октября в час дня Датский Король, Королева и другие высокопоставленные лица прибыли в русскую церковь, где митрополит Евлогий совершил заупокойное богослужение.

После службы саркофаг на катафалке, сопровождаемый эскортом датской гусарской гвардии, был доставлен на Восточный вокзал Копенгагена и внесен в специальный траурный поезд, в котором разместились близкие родственники, члены королевских домов, дипломаты. На протяженна всего шествия от храма до вокзала над городом непрерывно звучали оружейные залпы...

Менее чем через час железнодорожный состав прибыл к месту своего назначения: в небольшой городок Роскилле. Здесь, в старом, мрачно-величественном готическом соборе, начиная с XV века, покоились все члены Датского Королевского Дома.

Под звуки органа гвардейцы внесли гроб и поместили его рядом с саркофагами родителей. После краткой службы гроб поместили в дубовый саркофаг, крышку которого закрепили деревянными винтами и накрыли черным бархатным покрывалом с золотыми коронами. Запел хор, погребение окончилось...

В этой обители, недалеко от могил отца и матери, в семейном фамильном склепе упокоились останки Последней Русской Императрицы.

Пройдет с тех пор почти восемьдесят лет, и прах Императрицы будет перезахоронен в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга. Историческая справедливость восторжествует...

Глава 2

ПРИНЦЕССА, УМЕЮЩАЯ ВСЕМ НРАВИТЬСЯ

Шел сентябрь 1864 года. Еще по-летнему было тепло, и осень почти не коснулась густой зелени деревьев. У высокой лестницы, ведущей в загородный дворец Датского Короля Фреденсборг, стояла хрупкая, невысокая молодая девушка, одетая в простое светлое платье с темным передником – вторая дочь Короля Христиана IX.

Ей было почти семнадцать лет, но на вид можно было дать и того меньше. Темно-карие глаза ее внимательно и немножко насмешливо смотрели на молодого человека, старавшегося, соблюдая торжественность момента, неспешно выйти из экипажа. Она уже знала, что перед ней старший сын русского Императора Александра II, Наследник престола Николай Александрович. Они уже встречались за месяц до того, во время официального визита русского Престола наследника в Данию. В тот раз они быстро подружились.

Было в ней нечто такое, что сразу же располагало. Секретарь Цесаревича Николая Ф.А. Оом (1826–1898) позже вспоминал: «Она была одета чрезвычайно просто, в светлом летнем платье с черным передником. Прическа была простая, гладкая коса поддерживалась сеткою. Маленькая головка чрезвычайно грациозно покоилась на стане невысоком, но необыкновенно пропорционального сложения. Глаза поразили нас всех выражением ласки и кротости, а между тем взор пронизывал человека, на которого они были обращены».

Как только закончилась официальная церемония представления Королю и Королеве, молодой человек был увлечен Дагмар наверх, в ее комнаты, где она показала ему свои альбомы и рисунки. Затем побежали в парк, и здесь она стремительно провела его по самым дорогим уголкам, показывая и рассказывая о любимом мостике, о любимой беседке, о любимом дереве.

Она была молодой, открытой, любившей всех и всё: родителей, братьев и сестер, тетюшек и дядюшек, преданных слуг, собачек, цветы, теплую погоду, сладости, музыку Моцарта, живопись и еще немало того, о чем рассказать сразу было невозможно. Переходя с немецкого языка на французский, а с французского на немецкий, нередко употребляя и датские выражения, она рассказывала о себе, о своей жизни. Цесаревич Николай внимательно и все более заворуженно слушал, хотя датского языка не знал совсем. Но это не имело никакого значения. Он был очарован той, которая, может быть, когда-нибудь станет его женой.

Принцесса Дагмар давно была известна в Царской Семье. Еще в далеком 1851 году бабушка Цесаревича Николая Императрица Александра Федоровна, посетив герцога Нассауского в его замке Бибрих на Рейне, встретила там с принцессой Луизой Гессен-Кассельской, будущей Королевой Луизой. Там дорогой гостье были представлены и дети Луизы, в том числе и очаровательная малютка Дагмар, которой еще не исполнилось и четырех лет. Увидав это веселое создание, Александра Федоровна сказала матери: «Эту Вы должны приберечь для нас».

Цесаревич Николай приехал в Датское Королевство во время своего путешествия по Европе, и родители настоятельно ему советовали посетить Копенгаген и познакомиться со второй дочерью Короля, которая уже была на выданье. Ни император Александр II, ни Императрица Мария Александровна ни на чем не настаивали и никаких иных требований не выдвигали. У них лишь была надежда, что молодые люди понравятся друг другу.

Европейское турне Русского Престола наследника имело главным образом представительский характер. Оно должно было, с одной стороны, ознакомить монархов с наследником Русского Трона, а с другой – дать Николаю Александровичу представление о заграничье. Это была основная просветительская задача. В 1863 году Престола наследник совершил продолжи-

тельное путешествие по России, а теперь наступила очередь отправиться и за пределы Империи.

Накануне поездки император Александр II прислал сыну Николаю, которого все близкие звали «Никс» (реже – «Никса»), письмо-инструкцию, где дал необходимые наставления относительно поведения в чужеземных краях:

«Многое тебя прельстит, но при ближайшем рассмотрении ты убедишься, что не все заслуживает подражания и что многое достойное уважения, там где есть, к нам приложимо быть не может; мы должны всегда сохранять нашу национальность, наш отпечаток и горе нам, если от него отстанем; в нем наша сила, наше спасение, наша неподражаемость. Но чувство это не должно, отнюдь, тебя сделать равнодушным или еще менее пренебрегающим к тому, что в каждом государстве или крае любопытного или отличительного. Напротив, вникая, знакомясь и потом сравнивая, ты много узнаешь и увидишь полезного и часто драгоценного тебе в запас для возможного подражания. Везде ты должен помнить, что на тебя не только с любопытством, но даже с завистью будут глядеть. Скромность, приветливость без притворства и откровенность в твоём обращении, всех к тебе, хотя и нехотя, расположит. Будь везде почтителен к государям и их семействам, не оказывая малейшего различия и учтивости к тем, которые, к несчастью, не пользуются добрым мнением; ты им не судья, но посетитель, обязанный учтивостью к хозяевам. Оказывай всегда полное уважение к церковным обрядам, и посещая церкви всегда крестись и исполняй то, что их обрядам в обычае».

Цесаревич неукоснительно выполнял наставления отца, которого бесконечно уважал и почитал. При всех дворах он оставлял благоприятное впечатление. В сентябре 1864 года ему исполнился 21 год, но он уже производил впечатление спокойного, умного и рассудительного человека. В Данию же прибыл после визитов в несколько других княжеств и королевств и здесь сразу ощутил атмосферу тепла и уюта. При Датском Дворе отношения были проще и сердечней, что заметно контрастировало с тем, что он видел при других Дворах.

Дом Романовых и Дом Гогенцоллернов связывали родственные узы (мать Александра II и бабка Николая Александровича Императрица Александра Федоровна – урожденная принцесса Прусская), но искренней близости между этими влиятельными династиями Европы не было. Все время существовала внутренняя взаимная настороженность и отчуждение, которые, иногда уменьшаясь, вдруг возгорали с новой силой. Берлин и Петербург поддерживали вежливо-холодные связи, которые, по мере усиления роли Пруссии и консолидации единой Германской Империи, не становились теплее.

Брак представителя любого королевского дома почти всегда был сопряжен с известными политическими расчетами. Женитьба же наследника Русской Короны, власть которой распространялась на огромные территории в Европе и Азии, всегда была сферой высоких политических интересов. Россия в тот период не имела надежных союзников в Европе. Еще были свежи в памяти баталии неудачной для нее Крымской войны (1853–1856), когда Империи Двуглавого Орла пришлось столкнуться в военном противоборстве с объединенными усилиями Англии, Франции и Сардинского королевства, выступивших союзниками Турецкой империи и закончившейся унижительным для России Парижским миром 1856 года.

Антирусские настроения в Европе еще были очень сильны. Крупнейшие державы имели свои стратегические и экономические интересы на Балканах, на Ближнем и Среднем Востоке, куда были устремлены взоры и Царского правительства. Оно уже давно было озабочено решением большого «Восточного вопроса», решением двух основных геополитических задач: ликвидацией власти Османской империи над братскими православными народами и выходом к теплым морям, через установление контроля над Черноморскими проливами.

Эти цели были столько же желанными, сколько и быстро недостижимыми. В Петербурге прекрасно осознавали, что любая попытка России получить «Черноморский ключ» – овладеть Стамбулом (Константинополем) – неминуемо вызовет противодействие всей Западной

Европы, как то уже и случилось, когда в конце 1853 года Англия и Франция бросили свои силы на помощь погибающей Турецкой империи, объявив войну России.

Развитие ситуации в Центральной Европе тоже было для России тревожным. Отношения с Австрийской Империей (с 1867-го – Австро-Венгерской) оставались настороженно-холодными, хотя в первые десятилетия XIX века – в период борьбы с Наполеоном и сразу же после его разгрома – Россия и Австрия являлись союзниками. В 1849 году Император Николай I, руководствуясь искренним порывом поддерживать «законных монархов», отправил русский экспедиционный корпус для подавления революции в Венгрии, чем спас династию Габсбургов и целостность погибающей Монархии. Русский Царь фактически сохранил за восемнадцатилетнем Императором Францем-Иосифом корону Австрийской Империи.

Однако эта спасительная помощь была очень скоро забыта. Мало того: во время Крымской войны Вена проявила откровенную враждебность и в конце 1854 года стала союзницей Англии и Франции, угрожая России войной. Хотя дело до прямого военного столкновения между русскими и австрийцами не дошло, но во время переговоров о мире Вена заняла явную антироссийскую позицию. Это «неблагодарное предательство» бывшего союзника и в первую очередь лично Императора Франца-Иосифа, которого Царь считал почти «своим сыном», в Петербурге не могли забыть и простить. Для Николая I предательство Франца-Иосифа явилось страшным моральным ударом...

Сложными были и отношения России с Пруссией, которая все настойчивей заявляла свои имперские амбиции и начинала доминировать в учрежденном еще в 1815 году Германском союзе, и Берлин явно претендовал на роль нового имперского центра и на сольную партию в «концерте мировых держав».

В этих условиях взор Русского Царя обратился к Дании, тихой и стабильной стране, мало задействованной в мировых политических противоборствах, но оскорбленной и ограбленной Пруссией и Австрией. Эти державы давно претендовали на южные районы Датского королевства, на Шлезвиг и Гольштейн, связанные с Данией тесной династической унией еще с XV века.

В 1864 году Берлин и Вена «проглотили» эти районы, чем вызвали в Дании резкий всплеск антинемецких настроений. Но Дания была слаба и фактически беззащитна. Возникшая же перспектива породниться с Российским Императорским Домом давала Копенгагену вполне ощутимую опору во внешнеполитической деятельности.

Подобный брачный союз устраивал и Русского Царя. Таким путем можно было занять надежного союзника в Европе и ограничить имперские аппетиты Пруссии, которая в будущем могла не только отторгнуть от Датского Королевства южную часть, но со временем и вообще аннексировать всю его территорию. Осуществление намеченной свадебной комбинации давало России и еще очень важный шанс – улучшить отношения с Англией.

Старшая дочь Датского Короля Христиана IX Александра в марте 1863 года стала женой старшего сына Королевы Виктории, наследника Английской Короны принца Альберта-Эдуарда, герцога Уэльского.

Когда-то, очень давно, лишь взойдя на Трон, Королева Виктория – представительница Ганноверской Династии – принимала в Лондоне Цесаревича Александра Николаевича, ставшего Царем Александром II в 1855 году. В те далекие годы Императором России был Николай I, чрезвычайно заинтересованный в установлении тесных отношений с Британией.

Как только в 1837 году Королевой стала Виктория, к ней по дипломатическим каналам начали поступать сигналы о желании Русского Царя нанести визит в Лондон. Но тогдашний министр иностранных дел Великобритании Пальмерстон (1784–1865) посоветовал Королеве (ей было всего 20 лет) держаться осторожной линии в отношениях с Россией и уклониться от приглашения Царя в Лондон. Русский Император смог погостить у Королевы лишь в 1844 году, убедившись в невозможности установления союза между двумя странами.

Но еще раньше, весной 1839 года, ее посетил наследник Русского Престола Александр Николаевич, который был всего на год старше незамужней тогда Королевы Великобритании и Ирландии. В качестве гостя Королевы Александр Николаевич находился в Англии целый месяц, где его принимали с истинно королевским великолепием. Приемы, балы, смотры войск и посещения примечательных мест – все было организовано для русского гостя по высшему разряду. Особое радушие выказывала молодая Королева. Он неоднократно обедал у нее в Букингэмском дворце, был ее танцевальным партнером на придворных балах, сопровождал Королеву в оперу, занимая рядом с ней место в Королевской ложе.

Русский Престононаследник явно произвел сильное впечатление на Викторю. На балах она по несколько раз с ним танцевала (чего никогда не делала для других партнеров), а в перерывах усаживала его рядом с собой и, как отмечали очевидцы, «оживленно болтала». Близким признавалась, что Александр ей «чрезвычайно понравился» и что «они стали друзьями». Три дня Цесаревич прожил у нее в загородном Виндзорском замке, что стало темой оживленных пересудов в высшем свете. Многие находили подобное поведение «эпатажным» для любой добропорядочной девушки, а для незамужней Королевы в особенности...

Русскому же гостю английская хозяйка совсем не понравилась. «Она очень мала ростом, талия нехороша, лицом же дурна, но мило разговаривает», – записал Цесаревич в дневнике. В придворных кругах Лондона и Петербурга тогда возникли слухи о возможности династического союза, но эти разговоры не имели под собой никакой реальной основы.

Королева Виктория всю жизнь, а находилась она на троне 64 года, придерживалась антирусских настроений, принимавших порой характер русофобии. Кто знает, может быть, кроме имперских интересов и амбиций эта антипатия питалась тем давним и неразделенным чувством...

Однако роль России в Европе и мире была столь велика, а матримониальные связи Императорской Фамилии столь широки и многообразны, что Виктории – «Королеве Великобритании и Ирландии и Императрице Индии» – все-таки пришлось породниться с Домом Романовых.

Ее четвертый ребенок, сын Альфред-Эрнст-Альберт герцог Саксен-Кобург-Готский, граф Кентский, герцог Эдинбургский в 1874 году женился на единственной дочери Императора Александра II, Великой княжне Марии Александровне, подарившей своей свекрови – хозяйке Букингэмского дворца – внука Альфреда (1874–1899) и внучек: Марию (1875–1938), Викторю (1876–1936), Александру (1878–1942), Беатрису (1884–1966).

В конце XIX века династическая уния между Царской и Королевской фамилиями еще более укрепилась. Две внучки Виктории, дети ее второй дочери Алисы (1843–1878), гессенские красавицы-принцессы Елизавета (1864–1918) и Алиса (1872–1918) нашли свое семейное счастье в России. В 1884 году Елизавета стала женой сына Императора Александра II Великого князя Сергея Александровича, а в 1894 году Алиса, принявшая Православие, получив при миропомазании имя Александры Федоровны, вышла замуж за Императора Николая II. Но первая близкая родственная связь между русским и английским владетельными домами была установлена в 60-е годы XIX века благодаря замужеству датской принцессы Дагмар.

Когда Цесаревич Николай Александрович ехал в Копенгаген, то не имел определенно выраженных намерений. Он лишь хотел посмотреть на датскую чаровницу, которую так хваливал «дорогой Папа». И сердце молодого впечатлительного русского она пленила. Дагмара (Мария-София-Фридерика-Дагмара) не блистала яркой красотой, не отличалась незаурядным умом, но в ней было нечто такое, что притягивало и завораживало. Она обладала тем, что французы обозначают словом «шарм».

Принцесса выросла в большой и дружной семье. У Христиана IX и Королевы Луизы было шестеро детей: Фредерик – наследник престола, с 1906 года Король Дании (1843–1912),

Александра (1844–1925), Вильгельм – Греческий Король Георг I (1845–1913), Дагмара (1847–1928), Тира (1853–1933) и Вальдемар (1858–1934).

Но наибольшей любовью родителей пользовалась именно Дагмар за свою доброту, искренность и деликатность. Она умела всем нравиться и могла завоевать симпатию даже у самых ворчливых и неуживчивых тетюшек и дядюшек, каковых было немало. Датский Королевский Дом находился в родстве со многими династиями Европы, а в Германии подобные узы охватывали множество графских и княжеских родов.

Принцесса Дагмар знала о тайном смысле миссии Цесаревича, о чем ей говорили мать и отец. Она была послушной дочерью и не сомневалась, что если ее брак нужен, то она готова к нему. Она согласна была без колебаний поменять религию и перейти из лютеранской веры в Православие, так как это являлось обязательным условием для замужества. Принцесса внимательно и подолгу рассматривала фотографию Николая Александровича, с которой на нее глядело простое, несколько даже грубоватое лицо молодого человека. Выражение глаз несомненно свидетельствовало о характере и уме.

Он мог показаться скованным и нелюдимым, но при первой же встрече эти опасения исчезали без следа. Молодой человек ей понравился. Она ему тоже. Но никакого объяснения в тот раз не случилось. Решающее слово принадлежало коронованным хранителям высоких династических интересов.

Цесаревич покинул Данию и поехал к родителям, чтобы получить от них соизволение на брак с дочерью Датского Короля. Александр II и Мария Александровна в конце августа 1864 года находились на родине Царицы в Дармштадте и именно туда сияющий от счастья Николай Александрович и прибыл 28 августа. Родителям не надо было ничего долго объяснять, так как подобная брачная комбинация являлась и для них самой желанной. Безусловное согласие сын получил почти тотчас. Он готов был немедленно ринуться в Данию для решительного объяснения с Принцессой, но пришлось выждать определенный срок, и только 15 сентября он вернулся в Копенгаген.

Царский сын ощущал расположение, выказываемое ему Принцессой, он был почти уверен в успехе, но первоначально надлежало узнать мнение ее родителей. Королева Луиза определенно заявила, что сердце дочери «никому не принадлежит», что они с Королем ничего не имеют против подобного замужества, но согласие на брак должна дать сама Дагмар. Объяснение между девушкой и молодым человеком состоялось во время прогулки в парке 16 сентября 1864 года. Принцесса сразу же дала согласие стать женой².

Это желанное «да» вознесло Никса от радости почти на небеса. В дальнем уголке парка Никс и Дагмар страстно целовались. Они были счастливы. О помолвке было объявлено официально, и весь этот день был полон сумасшедшей суеты. Все их поздравляли, высказывали добрые пожелания. Был праздничный обед с шампанским и тостами.

На следующее утро, все еще в состоянии восторженного возбуждения, Николай Александрович писал отцу Императору Александру II: «Дагмар была такая душка! Она больше, чем я ожидал; мы оба были счастливы. Мы горячо поцеловались, крепко пожали друг другу руки и как легко было потом. От души я помолился тут же мысленно и просил у Бога благословить доброе начало. Это дело устроили не одни люди, и Бог нас не оставит».

Десять дней старший сын Царя с нареченной невестой провел в Дании и большую часть времени во Фреденсборге. Здесь они были больше удалены от официальных церемоний и могли проводить время вдвоем, рассказывая друг другу о себе, о своей жизни, мечтах и надеждах. В укромных уголках парка они целовались и целовались, пьянея от счастья. И для нее и для него это были первые, еще совсем девственные поцелуи.

² На месте, где состоялось объяснение Дагмар и Цесаревича, Принцесса позже разбила цветник.

Никс много рассказывал о России, о которой Дагмар почти ничего не знала, и эти повествования слушала с интересом и вниманием. Цесаревич был тронут этим, и с каждым днем его чувство к ней становилось все больше и крепче. Он уже звал ее Мария, а она принимала это как должное. Император Александр II и Императрица Мария Александровна прислали послание, где выражали радость и поздравляли молодых.

Примерный сын писал отцу 24 сентября: «Более знакомясь друг с другом, я с каждым днем более и более ее люблю, сильнее к ней привязываюсь. Конечно, найду в ней свое счастье; прошу Бога, чтобы она привязалась к новому своему Отечеству и полюбила его так же горячо, как мы любим нашу милую Родину. Когда она узнает Россию, то увидит, что ее нельзя не любить. Всякий любит свое отечество, но мы, русские, любим его по-своему, теплее и глубже, потому что с этим связано высоко религиозное чувство, которого нет у иностранцев и которым мы справедливо гордимся. Пока будет в России это чувство к Родине, мы будем сильны. Я буду счастлив, если передам моей будущей жене эту любовь к России, которая так укоренилась в нашем семействе и которая составляет залог нашего счастья, силы и могущества. Надеюсь, что Дагмар душою предастся нашей вере и нашей церкви; это теперь главный вопрос, и сколько могу судить, дело пойдет хорошо».

Цесаревича переполняли восторженные чувства от предвкушения грядущей счастливой семейной жизни. Его хороший знакомый князь В.П. Мещерский (1839–1914), встретившийся с ним в Дармштадте вскоре после помолвки, был радостно удивлен происшедшей с Наследником перемене.

За два месяца до того он виделся с ним в Голландии. Тогда Николай Александрович произвел впечатление мрачного меланхолика, не раз говорившего о предчувствии своей скорой смерти. Ныне им владело уже совершенно иное настроение. «Теперь я у берега, – с жаром говорил князю Престолюнаследник, – Бог даст, отдохну и укреплюсь зимой в Италии, затем свадьба, а потом новая жизнь, семейный очаг, служба и работа. Пора... Жизнь бродяги надоела. В Скевенингене (курортный городок в Голландии. – А. Б.) все черные мысли лезли в голову. В Дании они ушли и сменились розовыми. Не ошибусь, если скажу, что моя невеста их мне дала, с тех пор я живу мечтами будущего. Мне рисуется наш дом и наша общая жизнь труда и совершенствования».

Весть о помолвке Цесаревича стала в России важной новостью, превратилась в предмет оживленных обсуждений. В аристократических дворцах и салонах на все лады спрягались плюсы и минусы этой брачной партии, обсуждались мыслимые и немыслимые политические последствия этого брака. Многие были искренне рады, что наконец-то женой Цесаревича и в будущем Русской Царицей станет не очередная немецкая принцесса из захудалого княжества, а дочь Короля Дании, страны, к которой в России не было предубеждения.

Другие же просто были рады за Николая Александровича, которому посчастливилось встретить достойную невесту. На имя Императора шел поток поздравлений от его подданных. Скоро фотографии Датской Принцессы поступили в продажу в нескольких фешенебельных магазинах Петербурга и пользовались у публики большим спросом.

Но оставался один близкий родственник, душевный друг Цесаревича, не выражавший особых восторгов: второй сын Императора Александра II Великий князь Александр Александрович. Он был моложе Никса на полтора года, но с самого детства являлся ближайшим товарищем-конфидентом старшего брата, которого просто обожал.

Брату Саше Николай платил взаимной любовью, и они почти всегда были неразлучны. Постепенно, по мере взросления, у каждого появлялись личные обязанности, но всякую свободную минуту они старались проводить вместе. Александр, которого в семейном кругу звали «Мака», хоть и был моложе Николая, но превосходил его в физической силе. Однако в их бесконечных играх и возне младший брат не всегда одерживал верх, так как старший брат, уступая младшему в силе, превосходил его в ловкости.

Еще задолго до осени 1864 года среди родни оживленно обсуждались перспективы возможной брачной партии для Цесаревича. Мнение «милого Маки» родителей не интересовало, и принимать участие в этих обсуждениях ему не довелось, но он многое знал, слыша обрывки разговоров Мама́ и Папа́, но главным образом из рассказов самого Никсы. Великий князь Александр, понимая неизбежность брака, угодного родителям и России, старался не думать об этом. Эти мысли его лишь расстраивали.

Его ближайший друг, его милый Никса скоро расстанется с ним. А как же он? Как он теперь будет жить? С кем будет проводить время? С кем длинными зимними вечерами будет вести задушевные беседы и обсуждать события истекшего дня? Но эти переживания молодого человека никого не интересовали. Все были заняты возвышенными темами и проблемами.

Александр был уверен, что брак по расчету, а именно таким, по его мнению, только и мог быть династический брак, не будет радостным. Жениться надо непременно по любви. Лишь тогда люди будут по-настоящему счастливыми и создадут действительно крепкую семью. Правда, перед глазами был пример отца и матери, живших в полном согласии, но это он воспринимал как исключение. Ему вообще не нравился обычай привозить невест для русских великих князей из каких-то дальних стран.

Становясь великими княгинями, некоторые из принцесс, как он знал хорошо по личным наблюдениям, так и оставались иностранками, не знавшими толком ни языка своей страны, ни ее преданий, ни ее обрядов. Он видел, как мало во дворцах самых родовитых семей русского духа, как все там пронизано какими-то отвлеченными от России заботами и интересами, а французский язык звучал куда чаще, чем русский. Но такова была традиция, так было уже давно, и из романовских предков еще Петр I положил тому начало, женившись второй раз не на русской. Конечно, бедный Никса выбора не имел; он ведь Цесаревич. А что будет с ним? Точного ответа не было, но одно Александр знал наверняка: он-то женится лишь по любви на той, которая и его полюбит.

Летом 1864 года Николай уехал в европейское турне, и «милый Мака» остался почти один со своими сомнениями и переживаниями. Папа́ все время был занят, дорогая Мама́ уехала лечиться на воды в Киссинген, а досуг скрашивали братья Владимир и Алексей и кузен Николай Константинович. Они были добрые малые, но с ними было не особенно интересно. И каждый день ждал письма от Никсы. Тот пару раз написал, а потом – кончено. Почему? Что случилось? Неужели их дружба забыта?

Александр от других узнал о помолвке, другие ему рассказывали подробности всей этой истории: все прошло как нельзя лучше, невеста очень хороша, свадьба назначена на лето будущего года. Но ему хотелось услышать все от самого брата, но тот молчал. 10 октября 1864 года Александр послал письмо матери, где с горечью заметил: «Никса ничего не пишет с тех пор, как жених, так что я не знаю ничего про время, которое он провел в Дании... Теперь он меня окончательно забудет, потому что у него только и на уме, что Dagmar, конечно, это очень натурально».

Прошло еще несколько недель, и наконец Александр получил долгожданное письмо. Николай сообщал, что счастлив, благодарил Бога за ниспосланное и восклицал: «Если бы ты знал, как хорошо быть действительно влюбленным и знать, что тебя любят также. Грустно быть так далеко в разлуке с моей милой Минни, моей душкой, маленькою невестою. Если бы ты ее увидел и узнал, то верно бы полюбил, как сестру. Я ношу с ее портретом и локон ее темных волос. Мы часто друг другу пишем, и я часто вижу ее во сне. Как мы горячо целовались прощаясь, до сих пор иногда чудятся эти поцелуи любви! Хорошо было тогда, скучно теперь: вдали от милой подруги. Желаю тебе от души так же любить и быть любимому».

Жених и невеста расстались в конце сентября. Она осталась с родителями. Он же продолжил свою поездку по Европе и после недолгого пребывания с родителями в Дармштадте отправился в Италию. Позже Николай Александрович должен был встретиться со своей мате-

рю Императрицей Марией Александровной в Ницце, где та с младшими детьми намеревалась провести зиму. У нее были слабые легкие, и врачи постоянно рекомендовали ей жить в холодные месяцы года в теплом климате.

Николай и Дагмар условились: если все будет благополучно, то она приедет к нему в Ниццу. А пока они писали друг другу письма, писали часто, объяснялись в любви, описывали свою тоску от разлуки.

Дагмар теперь писала и Царю и Царице, своим будущим «новым родителям». Те проявляли к Датской Принцессе откровенную симпатию, за что Дагмар была бесконечно благодарна. Особенно к ней был расположен Император Александр II: человек прямой и эмоциональный. Он был рад принять в свою семью дочку Датского Короля, нравившуюся ему и своими душевными качествами, и своей внешностью.

Конечно, интересы Династии, престиж Империи, благо государства – это то, чем обязан был дорожить и что должен был пуще глаза своего защищать Русский Самодержец. Александр II, как мог, и дорожил и защищал. Но ему не были чужды и обычные человеческие чувства. Он, еще совсем не старый мужчина, питал большую слабость к молодым, живым девушкам, и копенгагенская Принцесса была как раз из числа таковых. Эта симпатия ни на йоту никогда не выходила за рамки допустимого, но она несомненно существовала не один год.

Дагмар, девушка развитая и чуткая, ощущала повышенную ласковость и доброту, исходившие к ней от Русского Царя. Она платила ему тем же. Принцесса Дагмар не умела лукавить. Нет, она, конечно, была достаточно умна и воспитанна, чтобы не знать, как себя вести, чтобы не понимать, «что говорить», «кому говорить» и «когда говорить». Но она никогда не уверяла людей в своей симпатии, если таковой не существовало. Подобной фальши в личных отношениях не переносила.

Если говорила о своей любви, то действительно любила, если говорила о своей ненависти, то это не было данью настроению или моменту, если заявляла, что ценит и уважает кого-то, то так оно и было. Прожив всю свою жизнь на самом вершине общества, вращаясь с малолетства среди самых именитых и родовитых, проводя большую часть времени среди дворцовых ритуалов, в совершенстве овладев искусством придворного этикета, дочь Датского Короля до глубокой старости сохраняла искренность чувств и свежесть восприятия людей и мира. Эти качества, проявившиеся еще в ранней юности, она не растратила за долгие годы своей жизни.

У Дагмар с Царем Александром II сразу же установились хорошие, сердечные отношения. Она писала ему, как пишет любящая дочь любимому отцу. Когда на следующий день после помолвки Цесаревич Николай отправлял отцу письмо – отчет о происшедшем событии, его нареченная невеста вложила в конверт свое небольшое послание.

«Мои любимые родители! Разрешите мне добавить эти несколько строчек к письму Вашего дорогого сына, моего любимого Никса, чтобы выразить Вам то счастье, которые я испытываю в этот момент от того, что чувствую себя связанной с Вами столь дорогими для меня узами. Пусть Бог своей добротой поможет мне сделать его также счастливым, чего я сама желаю от всего моего сердца. Отдайте и мне немного той любви, которую Вы испытываете к Вашему сыну, и Вы сделаете меня тоже счастливой. Преданная Вам Дагмар».

Преданная Вам... Она действительно была таковой. Русский Царь это чувствовал и уже иначе как «наша дочь» ее не называл. «С какими чувствами радости и признательности я получила Ваше дорогое письмо, в котором вы обращаетесь ко мне прямо как отец к дочери», – писала она Императору через две недели после первого послания. «Никс и я были от этого растроганы просто до слез! Я прошу Бога, чтобы он был всегда рядом при выполнении моих обязанностей, чтобы я стала достойной такой любви и моей новой Родины, которую я уже нежно люблю. Моим единственным желанием всегда будет поддержка моего любимого Никса, я буду следовать примеру его родителей».

После отъезда суженого Принцесса продолжала корреспондировать в Петербург, «дорогому Папá», которому писала не только о своих чувствах. Осенью 1864 года Пруссия навязала Дании условия аннексии Шлезвиг-Гольштейна, и Дагмар немедленно обратилась за политическим содействием к Царю.

«Извините, что я обращаюсь к Вам впервые с прошением, – писала она 29 октября из Фреденсборга. – Но, видя моего бедного Папá, нашу страну и народ, согнувшихся под игом несправедливости, я естественно обратила мои взоры к Вам, мой дорогой Папá, с которым меня связывают узы любви и доверия. Вот почему я, как дочь, идущая за своим Отцом, умоляю Вас употребить Вашу власть, чтобы облегчить те ужасные условия, которые Отца вынудила принять грубая сила Германии. Вы знаете, как глубоко мое доверие к Вам. От имени моего Отца я прошу у Вас помощи, если это возможно, и защиты от наших ужасных врагов».

Александр II был обескуражен этим посланием и отправил сыну Николаю холодное послание-выговор, смысл которого был прост и категоричен: негоже пытаться влиять на политику государства людьми, к тому не имеющими никакого касательства. Царь высказывал недоумение, что его будущий родственник Король Христиан IX использует свою дочь в подобных целях. Никс был потрясен. В своем ответе он уверял, что Король здесь ни при чем, что повлиять могла мать – Королева Луиза, но что сама Дагмар слишком открытая и честная, чтобы заниматься интригами.

Мольбы Датской Принцессы сами по себе никак не повлияли на позицию России, которая еще ранее выразила неодобрение агрессивным поведением Германии. Предпринимать же сильные дипломатические шаги в этом случае Петербург не имел никакой возможности и лишь однозначно и откровенно продемонстрировал расположение к Дании. Сам факт сватовства русского Наследника Престола свился важнейшим подтверждением этого расположения.

Однако политика политикой, а человеческие радости и горести существовали сами по себе. Перспектива безоблачной и счастливой жизни для Дагмар неожиданно была омрачена. Вначале ничто не предвещало серьезного и необратимого хода событий. Любимый Никс тяжело заболел.

Давно уже, летом 1860 года, во время конно-спортивных состязаний Наследник упал с лошади и ударился спиной. Довольно быстро оправился, и этот случай на стипль-чезе (скачках) вроде бы прошел без следа. Но время от времени у него потом начали случаться приступы какого-то непонятного недуга. Он вдруг начинал слабеть, не мог долго стоять, поднималась температура, жаловался на боли в пояснице. Да и цвет лица менялся, становился каким-то землисто-серым. Врачи осматривали, но ничего серьезного не находили, считая, что это все «от переутомления» или «от простуды». Они посчитали, что Цесаревич должен «пройти курс закаливания».

Во время путешествия по Европе летом 1864 года он пять недель провел в голландском городке Скевенингене около Гааги, где обязан был ежедневно совершать морские купания, невзирая на то что лето в тот год было очень холодным. Личный же врач Цесаревича Н.А. Шестов (1831–1876) не только не прекратил эти водные процедуры, но настаивал на них во что бы то ни стало, хотя Николай с каждой неделей выглядел все хуже и хуже.

К концу «курса закаливания» он походил на живой скелет, обтянутый белой кожей. Именно тогда у Цесаревича развился тот туберкулезный менингит, который в конце концов и свел его в могилу. В сентябре Николай Александрович вроде бы преобразился. Встреча с Дагмар и помолвка, как казалось, вдохнули в него новые силы. Но уже в ноябре, в Италии, случился приступ тяжелого недуга. Причем боль в спине то уменьшалась, то усиливалась, но больше не отпускала. За шестинедельное пребывание во Флоренции он ни разу не вышел из дома, проводя все время в постели.

Накануне 1865 года Николая с трудом препроводили в Ниццу, где ему прописали строгий постельный режим. О недомогании его стало быстро известно. Невеста серьезно забеспо-

коилась. Она писала в Ниццу, в Петербург, откуда приходили успокоительные известия. Врачи уверяли, что это лишь приступы ревматизма, не представляющие угрозу для жизни. Казалось, что ничего серьезного нет, и это лишь неприятный, но краткотечный эпизод. В феврале 1865 года Дагмар хотела поехать навестить жениха, но ее родители нашли это «неудобным».

В марте болезнь Наследника стала быстро прогрессировать. Были приглашены лучшие врачи, в том числе и из Парижа, «мировые светила» – О. Нелатон (1807–1873) и П. Рейе (1793–1867). Французские врачи, получив просто министерское вознаграждение, заключили, что смертельной угрозы нет. Другие же считали, что положение безнадежно.

5 апреля 1865 года у Цесаревича случился удар – кровоизлияние в мозг – и его положение сделалось безнадежным. Врачи в один голос заговорили о скором летальном исходе, так как воспаление головного и спинного мозга достигло необратимой стадии. Императрица Мария Александровна, все это время находившаяся рядом с сыном, была в ужасном состоянии.

Члены Царской Семьи отбывали в Ниццу. 4 апреля, в день Светлого Христова Воскресения, отправился в путь Великий князь Александр Александрович, через четыре дня прибывший к месту назначения. Умиравший очень просил, чтобы брат Саша обязательно приехал, он хотел с ним попрощаться. Александр не знал, что положение безнадежно, и когда уже в Ницце узнал об этом, то залился слезами.

На Юг Франции отправился и Император Александр II. Он приехал в Ниццу 10 апреля, когда Николай Александрович находился уже при смерти. В тот же день из Копенгагена вместе с матерью прибыла Дагмар, куда ее телеграммой «для последнего прощания» вызвала Императрица Мария Александровна. Принцесса была раздавлена, сокрушена. Ей предстояло пережить страшное жизненное испытание; первое – в череде отведенных ей судьбой.

На шикарном вилле Бермон, где помещался ее жених, царил траурная атмосфера. Некоторые плакали. На следующий день, в 10 часов утра, ей разрешили подняться к нему на второй этаж. Что она пережила! В углу большой полутемной комнаты, в постели, она увидела того, которого так искренне и безнадежно любила. На изможденном, худом, жёлто-землистого цвета лице появилась слабая улыбка. Он ее узнал и был рад этой встрече. «Мой ангел», – обратился он к невесте и больше был не в силах вымолвить ни полслова. Он взял ее за руку, и она поцеловала его. Дагмар не могла сдержаться и разрыдалась.

Несколько часов Принцесса провела рядом, и жених все время держал ее руку. А с другой стороны находился брат Цесаревича Александр, державший вторую руку дорогого Никса. Здесь, у смертного одра, дочь Датского Короля впервые увидела того, кому суждено было стать самым важным человеком в ее жизни, стать ее судьбой. И перед самым исходом, когда душа покидала изможденное болезнью тело, умирающий неожиданно соединил руки Дагмар и Александра. Реальная жизнь создала фантастический сюжет, который мог бы сочинить лишь талантливый драматург с богатым воображением. Потом они будут бесчисленное количество раз возвращаться к этой истории и увидят в ней Промысел Всевышнего. Но это все будет потом.

Тогда же, в тот невероятно драматический момент, никто этого не знал и никто ни о чем не думал. Все ждали чего-то, молились, плакали и молчали. Днем, 11 апреля, Николай Александрович причастился и попрощался со всеми. В медицинском журнале за этот день записано: «Его Высочество, окруженный Августейшим семейством, общается Святых Тайн с глубоким умилением. Силы совершенно истощены».

Незадолго до смерти Цесаревич неожиданно для всех открыл глаза и внятным голосом произнес: «Стоп машина!» Это были его последние слова. Вскоре после полуночи, в 00 часов 50 минут 12 апреля, Престолонаследник скончался. По заключению врачей, смерть наступила в результате «ревматизма почечных мышц и поясничной спинной фасции».

Все было кончено. И для Дагмар кончено. Ей еще не исполнилось восемнадцати лет, но она уже невеста-вдова. И где было взять силы, чтобы жить дальше? Она одеревенела. Не было

ни сил, ни чувств, а лишь темнота и пустота. Небольшая, изящная, она сделалась как бы еще меньше, еще тоньше.

Она присутствовала на заупокойных панихидах, и от вида ее сжималось сердце. По окончании первой панихиды ее лишь с большим трудом удалось увести. Родители умершего, сами находившиеся в состоянии тяжелого потрясения, трогательно опекали Датскую Принцессу, ставшую для них родной.

Принцесса писала своему отцу Христиану IX через день после смерти Николая: «Я не могу не благодарить Бога за то, что застала его, мое дорогое сокровище, еще в живых и была узнана им в последнюю минуту. Ты не можешь поверить, дорогой Папа, как я благодарна за это Господу Богу. Никогда, никогда я не смогу забыть взгляд, которым он смотрел на меня, когда я приблизилась к нему. Нет, никогда!!! Бедные Император и Императрица, они были так внимательны ко мне в моем, а также в своем горе; они и его бедные братья, особенно Саша, который любил его так возвышенно и не только как брата, но как своего единственного и лучшего друга».

Уже рано утром 12 апреля в России были получены телеграммы о смерти Престолонаследника. В Империи был объявлен траур. О болезни Николая Александровича было давно известно, но все еще оставалась надежда, что Господь не допустит непоправимого и сохранит его для России. Многие искренне горевали. Потрясал и сам факт и все сопутствующие ему обстоятельства. Министр внутренних дел П.А. Валуев (1815–1890) записал в дневнике: «На пороге брачного ложа и на первой ступени к престолу, – и вместо того и другого смертный одр на чужой земле!»

К горю всегда было чутко русское сердце, оно всегда глубоко отзывалось в русской душе. В России жалели не только безвременно умершего Цесаревича и несчастных родителей; сочувствовали невесте и переживали за нее. Князь Николай Петрович Мещерский (1824–1901) написал в то время проникновенные стихи:

С Тобою смерть нас породнила —
И пред страдальческим одром,
Вся Русь тебя усыновила
В благословении немом.
Ты сердцу Русскому открылась
Любвиобильною душой,
Когда, рыдая, ты стремилась
Туда, к нему, в час роковой.
Ты наша. Будь благословенна!
Тебя Россия поняла.
Тебя, коленопреклоненно,
В молитвах Русской нарекла...

16 апреля 1865 года гроб с телом Цесаревича Николая Александровича перенесли на фрегат «Александр Невский», на котором он отбыл в Петербург. Туда он должен был прибыть примерно через месяц. Ниццу покидали русские.

Император Александр II, Императрица Мария Александровна, дети и приближенные отбыли в Россию по железной дороге. По пути домой Царская Семья на несколько дней задержалась у брата русской Императрицы, Великого Гессенского герцога Людвигу III. Они уговорили побыть там с ними и Дагмар.

В фамильном замке Гессенских герцогов Югенхайм, в живописном месте на берегу Рейна, безутешная Дагмар провела несколько дней в окружении родственников своего скон-

чавшегося жениха. Затем они расстались. Она поехала домой в неизвестности и печали, а Царская Семья в Петербург – готовиться к последнему прощанию с дорогим Никсом.

«Александр Невский» прибыл в Кронштадт 21 мая, откуда гроб на императорской яхте «Александрия» доставили в Петербург. Через неделю, 28 мая, тело Великого князя Цесаревича Николая Александровича было погребено в Царской усыпальнице, в Петропавловском соборе Петропавловской крепости, там, где покоились его предки, начиная с Петра I.

Глава 3

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР

Он появился на свет 26 февраля 1845 года в Александровском Дворце Царского Села. Его отцом был Наследник Престола, старший сын Императора Николая I Великий князь Александр Николаевич, а матерью – Цесаревна Мария Александровна, урожденная Гессен-Дармштадская принцесса Максимилиана-Вильгельмина-Августа-София-Мария.

Его нарекли Александром, именем, которое носил отец и двоюродный дед Император Александр I. Пройдет ровно десять лет, и в 1855 году его отец станет Императором Александром II. В этой семье, кроме Александра Александровича, родилось еще семеро детей: Александра (1842–1849), Николай (1843–1865), Владимир (1847–1909), Алексей (1850–1908), Мария (1853–1920), Сергей (1857–1905), Павел (1860–1919).

Никто из них не прожил безоблачную жизнь: преждевременные смерти, гибель от рук убийц, тяжелые болезни, горькие разочарования, потеря детей, отказ от личного счастья, общественные крушения окружали их весь земной путь. Радостные и горькие, естественные и абсурдные, закономерные и случайные, предсказуемые и невероятные – все те черты и линии, характерные почти для любой семьи и почти каждой жизни, здесь резко фокусировались, контрастно выражались и резко преломлялись именно в силу общественного статуса членов династии.

Великие князья и Великие княжны с рождения являлись государственными людьми, были мишенью самых сокрушительных воздействий и соблазнов, постоянно подвергались тяжелейшим моральным и психологическим испытаниям. Они самой судьбой обязаны были нести тяжелую ношу Царскородного происхождения. Жизнь в хрустальном дворце, жизнь на виду у всех, была трудна и порой непереносима. Не все выдержали. Некоторые оступились и отступили. Но большинство нашло в себе силы удержаться. Наиболее же крепким и стойким среди них был Александр Александрович.

Ему с детства была уготована обычная великокняжеская судьба: учеба и учеба, служба в гвардии, женитьба на пресной, бледнолицей, костлявой (или дородной) принцессе, а затем какая-нибудь заметная (или не очень) должность в системе военного или гражданского управления. Это имя могло остаться в ряду нескольких десятков великих князей, но Его Величеству Случаю было угодно перевернуть обычный ход вещей и сделать из второго сына Императора Александра II Русского Царя.

Под неусыпным контролем отца и матери его готовили к жизни, воспитывали по меркам, принятым в императорской фамилии, в соответствии с традицией и потребностями времени. Общеобразовательные предметы чередовались с военной подготовкой, фехтованием, вольтижировкой, фортификацией. Его основательно обучали иностранным языкам: немецкому (родной язык матери), французскому и английскому. Наилучшие знания он имел по французскому языку, которым владел свободно с юности, но и на других умел неплохо изъясняться.

Однако любимым языком для него был родной, и он никогда не пользовался иностранным, если можно было говорить по-русски. Уже когда он был вполне взрослым и посещал аристократические рауты, нередко случалось, что какая-нибудь очередная «роза бала» мило начинала с ним щебетать на языке Вольтера и Гюго. Он же, почти всегда, с упрямой последовательностью отвечал на языке Державина, Пушкина и Лермонтова (последний являлся любимейшим его поэтом). Это могло быть воспринято как неучтивость, но происхождение и положение молодого человека не позволяли обвинять его в нарушении светских норм.

Учителями его были блестящие знатоки своего предмета и интеллектуалы. Русскую словесность преподавали профессор Я.К. Грот (1812–1893) и лицейский товарищ А.С. Пушкина,

затем директор Публичной библиотеки в Петербурге, писатель барон М.А. Корф (1800–1876); русской истории обучал знаменитый историк профессор С.М. Соловьев (1820–1876), праву – профессор К.П. Победоносцев (1827–1907), военному делу – генерал М.И. Драгомиров (1830–1905).

Воспитателем Великого князя с 1860 года являлся граф Борис Алексеевич Перовский (1815–1881), возглавлявший раньше Корпус путей сообщения (Высшее учебное заведение, готовившее инженеров-путейцев). Человек этот был строгий и педантичный, что не могло нравиться молодому Александру Александровичу, который тем не менее относился к воспитателю с неизменным уважением. Установка родителей для воспитателей всех детей была одна: вырастить достойных, честных, трудолюбивых и богобоязненных людей.

С самых ранних пор Великий князь Александр выказывал неподдельный интерес к военному делу и к истории, которой очень увлекался и занимался ей без принуждения. Затаив дыхание, часами готов был слушать повествования о военных баталиях, о тяжелых военных буднях, о трудных переходах и о замечательных победах русской армии. Его привлекали и рассказы живых участников событий, тех офицеров, кто прошел горнило мужественно-безнадежной Крымской войны. Он ужасно переживал, узнавая о неудачах «наших», и в такой момент не мог сдержать своих восклицаний и вопросов.

Александр являлся живым и непосредственным ребенком, не умевшим врать и лукавить. Воспитание и придворный этикет ломали натуру, принуждали вести «как надо», говорить «что надо» и «когда надо», но природная естественность все равно прорывалась наружу время от времени.

Это была русская натура, русская не по составу крови (пошло-дотошные критики высчитали, что у него была всего $\frac{1}{64}$ часть русской крови!), а по строю своих мыслей, чувств, восприятий. Он искренне верил в Бога, никогда не испытывая никаких великосветских сомнений, почитал старших, имел склонность к простоте в окружающем мире. Обожал животных, а с любимыми собаками охотно проводил время и мог часами бродить с ними по окрестным лесам, не ощущая тоски или одиночества.

Ценил доброту, честность и преданность. Если убеждался, что человек его любит, то всегда помнил об этом и не стеснялся демонстрировать свою признательность. Родовитость не имела значения. Вот, например, его бонна – няня, англичанка Екатерина Струттон, на руках которой вырос и которая служила Царской Семье многие десятилетия. Он обожал «дорогую Китти», знавшую и хранившую его детские тайны. И когда она умерла в 1891 году, то он, уже Император, счел обязанным отдать ей последний долг и пойти за ее гробом. Это был, как тогда говорили, натуральный человек, в котором было много естественного, даже стихийного.

Все сыновья Александра II были рослыми мальчиками, но самым рослым, самым крепким среди них был второй сын. Обращаясь к нему, восьмилетнему, отец писал: «Я часто о вас думаю и молюсь за вас Богу. Да благословит Он вас быть такими, какими мы желаем вас видеть, т. е. умными, прилежными и послушными ребятами».

Александр был сообразительным, послушным, но особым прилежанием не отличался и учился с ленцой. Ему так хотелось поиграть в саду, сбегать на ферму и скотный двор, посмотреть на лошадей, увидеть, как доят коров, понаблюдать за важно разгуливающими красивыми голландскими петухами, половить рыбу в пруду или покататься на лодке, а приходилось сидеть писать сочинения, учить грамматику, зубрить несносные французские глаголы.

Успехи в учебе не были впечатляющими. Молодой Великий князь часто не успевал делать домашние уроки, так как на это времени не хватало. Но каждый день надлежало придти к маме и докладывать ей о своей успеваемости. Можно было что-нибудь утаить, что-то не сказать, может быть, не узнала бы, но он никогда ничего не скрывал и все рассказывал начистоту. Мать в таких случаях не всегда была недовольна, но, с другой стороны, она, как и Император Александр II, очень ценила природную честность, чистосердечие второго сына.

Матушка постоянно напоминала ему о его обязанностях, особенно когда была в отъезде. В сентябре 1861 года писала из Ливадии: «Саша, что меня очень огорчает, то, что ты опять ленив и иногда ведешь себя не как 16 лет юноша, но как ребенок, забывая все данные тобою обещания и все твои добрые намерения. Молись прилежно, друг мой, и Господь тебе поможет; верь мне и тебе самому легче станет. И не забывай, что твое теперешнее поведение нас сильно огорчает. Ты знаешь, что мы тебя любим, так ты из любви к нам старайся как можешь больше и сам, что не так трудно. Но прежде всего, моли Бога; без Его помощи ты ничего не сделаешь».

Великий князь каждый день усердно молился, но это мало помогало в учении. Надо было сидеть и «долбить гранит науки», а на это терпения хватало далеко не всегда.

В 1855 году десятилетний Великий князь Александр Александрович впервые остро ощутил свое необычное происхождение. Ему в феврале должно было исполниться десять лет, но за неделю до праздника рождения умер его дедушка Император Николай I. Все произошло так быстро и внезапно, что трудно было в это поверить. Могучий и строгий царь сошел в могилу за считанные дни к великому ужасу и горю одних, к тайной радости и злорадству других.

Внук любил деда, хотя виделись они, особенно в последние месяцы, нечасто. Он ему дарил такие интересные вещи, а большая лошадь-качалка долго была любимой игрушкой. Еще была сабля (как настоящая!) и ружье...

Вместе с братьями и родителями Александр на коленях молился у постели умирающего в неказистой комнате нижнего этажа Зимнего Дворца. Пройдет двадцать шесть лет, и здесь же, в главной резиденции Российских Императоров в центре Петербурга, Александр будет стоять на коленях перед истекающим кровью и умирающим отцом. И через несколько часов сам станет Императором. А потом до последнего часа жизни будет почти ненавидеть Зимний Дворец: эти огромные и помпезные залы, нескончаемые анфилады, сумеречный блеск бронзы, хрусталя, мрамора; вечная полутьма за дверьми освещенных комнат. Всё здесь было наполнено грустными воспоминаниями.

Похороны дедушки прошли 6 марта 1855 года. Дни до и после погребения были безрадостными для всех и, конечно же, для детей. Им не разрешалось бегать и шуметь, запрещалось громко разговаривать, выходить за пределы своих комнат. А так хотелось поглядеть на родителей, так тянуло хоть в щелочку увидеть то, что делали взрослые. Столько в Зимнем Дворце всё время было военных в таких красивых мундирах и других важных господ.

Брат Никса сделался Цесаревичем и стал важничать. Удивленным няням и фрейлинам матери заявил вскоре после похорон: «Папа теперь так занят, что он совершенно болен от усталости. Когда дедушка был жив, он ему помогал, а Папá помогать некому», а он «еще слишком мал, чтобы помогать ему».

Взрослые опешили от столь серьезного заявления одиннадцатилетнего мальчика, а брат Александр не выдержал и заметил: «Дело совсем не в том, что ты слишком мал, ты просто слишком глуп». Никса стал возражать, но младший стоял на своем, и в конце концов разгорелась небольшая потасовка, которую с трудом разняли няньки. Наследник удалился сильно обиженный таким непочтением брата. Родители, несмотря на горестную ситуацию, не могли сдержать улыбки, когда им рассказали эту историю. Возникшие же размолвки между братьями никогда не отражались на их душевной дружбе.

Мария Александровна всех сыновей любила, но особой любовью у нее пользовались младшенькие, а наибольшие надежды возлагала на старшего, Николая, которого считала чрезвычайно серьезным ребенком, удивлявшим нередко своими неожиданными размышлениями. Однажды, когда ему исполнилось только пять лет, малыш сказал ей, что после дедушки Царем будет папа, затем – он, а после его смерти «Царем будет Саша».

Молодую мать позабавили подобные высказывания, походившие лишь на лепет несмышленного существа. Ее сыну Саше не дано было быть Императором. Законы Престолонаследия были строги и их соблюдали неукоснительно: Корона могла переходить лишь к старшему сыну

Императора, а если такового не имелось, то к старшему по близости родства к последнему Монарху члену Династии. Никто не рассчитывал на трагические обстоятельства и не мог знать, как повернутся события в будущем, что слова пятилетнего малыша окажутся пророческими.

Великий князь Александр хорошо с детства знал, что ему не суждено быть Царем, и не испытывал по этому поводу никаких сожалений. Он начисто был лишен амбициозных черт характера, которые могли бы хоть на минуту уязвить самолюбие. Более того. Ему претила сама мысль о возможности стать Монархом именно по складу характера: человека, любившего уединение и простые занятия, всю жизнь с трудом переносившего официальные церемонии, тяжелые кандалы придворного этикета. Он ни с кем не говорил об этом, только с Никсом, который его понимал, так как тому-то выпала как раз царская участь.

Летом 1863 года Николай проехал по России и свои впечатления письменно и устно потом подробно не раз излагал младшему брату. Александр с жадным интересом слушал рассказы о России, которую он еще так мало знал, но которую с детства любил, любил как отца и как мать, как жизнь, но дух которой живо ощутил лишь из рассказов Никса. Сам он таких сильных впечатлений от «настоящей России» еще не испытывал.

Нет, конечно, он видел на официальных церемониях в Царском Селе, Петергофе, Петербурге и уважение, и торжественность, и пиетет, но там всё было холодно-торжественно, всё было слишком заученно, слишком официально. Люди в великолепных мундирах, многоцветие муаровых лент, блеск орденов, аксельбантов, киверов – всё это производило сильное впечатление. А праздничные выходы в Зимнем Дворце! Они ослепляли и завораживали. Появление Царя приводило всех в состояние оцепенения; вся яркая и многоголосая толпа придворных и бесчисленных гостей замирала в раболепном почтении.

Все смотрели на Царя, ждали его взгляда, мечтали о малейшем признаке внимания, злословили насчет тех, кто хоть на миг привлек внимание, удостоился нескольких милостивых слов. Среди царедворцев и сановников почти не было искренней любви, и почти все надеялись только на царские милости, во имя которых многие готовы были унижаться, лгать, интриговать, обливать грязью других. Александр знал об этом с ранних пор.

Совсем другое дело было вдали от столицы, в тихих городах и селах, где ему тоже вскоре и самому удалось побывать, и личные впечатления ничем не отличались от впечатлений старшего брата. Милому Никсу было тяжело: ему нужно было выполнять различные официальные обязанности, строго следовать протоколу, утвержденному самим государем. Он не мог расслабиться, не имел права обратить свое внимание в сторону. Встречи с должностными лицами различных губерний, торжественные молебны, приемы, посещения церквей и общественных учреждений. Но и официальный церемониал не заслонил неподдельной любви простого народа к Царю и его детям.

Эти многотысячные толпы, это бессчетное число простых крестьян и крестьянок, которых никто не приглашал, сами, по доброй воле, иногда за многие десятки верст, приходили лишь только для того, чтобы издали поглядеть на того, кто когда-то будет их царем. И сидели часами и ждали проезда, а увидев в клубах пыли проезжавший кортеж, выражали неподдельный восторг. Эти протянутые руки, эти бесхитростные лица, эти светящиеся глаза, смотревшие со всех сторон, эти восторженные крики «Цесаревич!», «батюшка!», «ура!» и тихие слезы умиления – такое не забывается.

Невозможно было забыть, что когда плыли на пароходе по главной русской реке Волге, как эти русские люди стояли по пояс в воде, другие же долго бежали по берегу, как дети радовались и вытирали слезы грубыми руками. Необразимые толпы, эти тысячи и тысячи молодых и старых, здоровых и больных мужиков и баб принадлежали всей душой Царю из века и навсегда. Они готовы пойти за одно его слово на войну, на пытку, на плаху. И, как казалось, никакой владыка на земле не имел такой власти над своими подданными, никому другому люди не были так преданы своей жизнью и смертью, как Русскому Царю. Никого другого так не могли

любить! И эту любовь надо было оправдать, надо было быть достойным этой высокой и беззаветной любви, которой веками держалась Россия.

Николай Александрович очень серьезно относился к предначертанной свыше миссии и старался во все вникать, набираться опыта и знаний и руководствоваться советами «дорогого Папá». Это был бы очевидно умный и серьезный монарх, но наступил апрель 1865 года – и все трагически оборвалось. Судьба Александра изменилась резко и бесповоротно. Он стал Наследником Престола и должен был научиться жить и думать по-иному, чем раньше. Теперь ему предстояло готовиться к тому, чтобы со временем принять ответственность за огромную Империю. Все это было неожиданно и нежеланно.

Александр в сопровождении графа Б.А. Перовского выехал из Петербурга в Ниццу 4 апреля. Он не думал, что положение брата безнадежно, и когда узнал, что Никс причащался, то пришел в ужас. Но надежда оставалась, и даже подъезжая к Ницце, до конца все еще не осознавал грядущих потрясений и не мог представить, что Господь допустит, чтобы его брат, «милый Никса», покинул их. Лишь прибыв на виллу Бермон, до него дошел весь трагизм ситуации. Он тут многое понял, перечувствовал и повзрослел.

Через год занес в дневник проникновенную исповедь-воспоминание: «Бог призвал меня на это трудное и неутешительное место. Никогда я не забуду этот день в Ницце, первую панихиду над телом милого друга, где все несколько минут стояли на месте, молчали, и только слышались со всех сторон рыдания и рыдания неподдельные, а от глубины души. Никогда я не чувствовал в себе столько накопившихся слез; они лились обильно, облегчая грусть. Все жалели и жалели Отца и Мать, но они лишились только сына, правда, любимого Матерью больше других, но обо мне никто не подумал, чего я лишился: брата, друга и что всего ужаснее – это его наследство, которое он мне передал. Я думал в те минуты, что я не переживу брата, что я буду постоянно плакать только при одной мысли, что нет больше у меня брата и друга. Но Бог подкрепил меня и дал силы приняться за новое мое назначение. Может, я часто забывал в глазах других мое назначение, но в душе моей всегда было это чувство, что я не для себя должен жить, а для других; тяжелая и трудная обязанность. Но, «Да будет Воля Твоя Боже», – эти слова я твержу постоянно, и они меня утешают и поддерживают всегда, потому что всё, что не случится, всё это Воля Божия, и потому я спокоен и Уповаю на Господа!»

У одра умирающего брата Александр впервые увидел Датскую Принцессу, увидел, как она убита горем, и в его душе пробудились жалость и симпатия. Под грузом трагических обстоятельств, сделавших его 12 апреля 1865 года Наследником Престола, он плохо соображал, мало обращал внимания на окружающую обстановку. Он чувствовал лишь тяжелую утрату, понимал, что все милое прошлое ушло без следа, что теперь ему придется жить совсем иначе. Но как? Что теперь делать, у кого спросить и можно ли спросить?

Дорогой Папá успел ему сказать несколько слов, призвал его к стойкости и мужеству, выразил уверенность, что Александр будет достоин своей новой роли. Больше разговора не получалось. Мамá же была убита горем, занемогла и почти не вставала с постели. Ее и в Россию пришлось вести в таком положении.

Среди родни и свиты он был совсем один, и не с кем было поговорить запросто, некому было излить свою душу. Он всегда ощущал нехватку друзей – людей искренне любящих, преданных, понимающих и верных; многие годы все еще надеялся, что, может быть, таковые у него появятся. Но не появлялись. Родственников, знакомых, сопровождающих было всегда достаточно, а вот друзей не хватало.

Жизненный опыт убедит, что в его положении рассчитывать на истинную, рыцарскую дружбу невозможно; что те, кто клянется в верности и преданности, почти всегда преследуют, тайные или явные, но непременно корыстные цели. Понимая это умом, он сердцем не мог смириться и всегда завидовал тем, кто богат друзьями. И самый близкий его друг ушел от него навсегда, и они на земле уже больше не встретятся.

Осталось еще несколько друзей, и наиболее надежным среди них долго был князь Владимир Петрович Мещерский (1839–1914), внук известного историка Н.М. Карамзина (1766–1826), сын его дочери Екатерины.

«Вово», как называли Владимира Петровича в их кругу, был старше Великого князя Александра на семь лет и отличался серьезностью и бескорыстием. Александр с ним дружил с ранних пор и нередко убеждался в глубоких знаниях Вово, в его горячей любви к России. Как он страстно всегда рассказывал о безобразиях и неполадках, как живо и умно откликался на все общественные события и умел дать им правильную оценку!

Александр, будучи тугодумом, завидовал остроте ума и быстроте реакции князя, его умению в любой ситуации предложить ход. Он несколько раз по-настоящему помог Цесаревичу Александру, а в одном случае просто спас его от безумного шага. Такой друг многих стоил. И потом, когда их отношения начали затухать, Александр Александрович не забывал друга юности, поддерживал с ним отношения, хотя репутация Вово в обществе была подорвана слухами о его противоестественных половых пристрастиях.

Однако любимого Никса никто заменить не мог. Александр был полон тяжелых мыслей. Немного легче стало в Югенхайме, где он с родителями и Дагмар провел несколько дней по пути в Россию. Здесь молодой человек близко познакомился с Датской Принцессой, и она вызвала сочувственную симпатию. Бедная! Ей ведь тоже, как и ему, так нелегко!

Горе сблизило молодых людей. Они подолгу гуляли вдоль Рейна. Разговаривали – и почти всегда об усопшем, память которого была дорога обоим. Эти прогулки и собеседования протекали под неусыпным и поощрительным взглядом Императора Александра II. Трудно сказать, в какой момент в голове Царя возникла, казалось бы, тогда совсем неуместная мысль: женить сына Александра на Датской Принцессе. Во всяком случае, именно в Югенхайме Царь высказал вполне определенно мечту «оставить дорогую Дагмар возле нас». Тогда никто не принял всерьез это замечание Царя. Никто... кроме, может быть, Дагмар.

Потом, когда самое невероятное случится и дочь Датского Короля все-таки сделает такую блестящую брачную партию, при разных дворах, в высшем свете России будут многократно обсуждать эту необычную историю. Некоторые злословили, утверждая, что Принцесса после смерти одного Цесаревича «бегала» за другим, осаждала его и в конце концов «взяла штурмом русскую крепость».

Среди великосветских «львиц» и «пантер» быстро утвердилась именно эта точка зрения. Ее разделяли и некоторые другие завсегдатаи петербургских салонов, не понимавшие, как же так получилась, что невеста одного брата стала женой другого? Это действительно было достаточно необычно для брака лиц Императорской Фамилии. Была здесь некая тайна или все произошло по воле случая? Был ли это брак исключительно по расчету или он являлся союзом любящих сердец?

Дагмар дала свое согласие стать женой Николая Александровича лишь тогда, когда в ее душе появилось большое чувство к русскому Престолонаследнику. Они полюбили друг друга. И когда через два года после того она венчалась с младшим братом умершего, то и тогда она любила своего суженого. Она любила одного, она любила и второго. И здесь не было притворства. Вся ее жизнь с Александром III наглядно подтвердила искренность ее чувств. Конечно, было бы наивно полагать, что юную Дагмар не манила сладостная перспектива стать Царицей в огромной Империи, жить и сверкать при самом богатом и блестящем дворе Европы. Ее самолюбивая и чрезвычайно чуткая натура не могла оставить без внимания и практическую сторону замужества.

Став Русской Царицей, она смогла бы помогать своей бедной Дании, которой грозили опасности со всех сторон. Но при всех трезвых расчетах и прагматических раскладах в основе брака все-таки была чистая и возвышенная любовь к человеку, которому она говорила «да». Как зарождалось это чувство, почему оно зарождалось – тайна непостижимая. И не надо ее

разгадывать; она навсегда остается достоянием лишь тех, кому дана, кому ниспослана. Это великое таинство души, и непосвященный, не чувствующий сердцем, ничего тут понять не может.

Ничего в Югенхайме Дагмар Императору не ответила. В состоянии глубокого потрясения вернулась она во Фреденсборг и проводила дни в молитвах и слезах. Родители и близкие были не на шутку встревожены. Их милая Минни, такая живая, такая беззаботная, превратилась в тень, обрекла себя на горькое одиночество. Она никого не хотела видеть, потеряла аппетит, и улыбка не появлялась на ее лице.

Почти через две недели после возвращения домой она получила письмо от Царя, письмо, полное ласки, добрых слов утешения. В нем же она нашла и нечто такое, что заставило ее истомленное сердце затрепетать. Александр II написал, что «очень желал бы», чтобы Дагмар «навсегда осталась в их семье». Намек был достаточно очевиден. Речь могла идти лишь о замужестве.

Она многое передумала и перечувствовала. Она не только любила умершего, но и уже сильно привязалась к Царской Семье, к загадочной стране России, религию, обычаи и язык которой она усердно изучала еще с прошлой осени. Принцесса жила этим последние месяцы и вдруг потеряла все сразу. В этой непростой ситуации нельзя было сказать лишнее слово, невозможно было проявить неделикатность.

Ее знакомство с Александром было мимолетным, было так окрашено горестным событием, что ни о чем другом думать не было сил. Молчаливый, совсем непохожий на покойного жениха, он не пытался завоевать ее расположение, что было вполне понятно и объяснимо. Они вместе рыдали у тела Никса, и эти слезы, эта тяжелая потеря их сблизила. Потом уже, когда они беседовали на берегу Рейна, он много ей рассказывал о старшем брате, и она поняла, как он ему был дорог. И душевные симпатии двух молодых людей, чувства к уже умершему объединили живых. Они расстались друзьями и договорились писать друг другу.

Дагмар не думала, что уже скоро надо будет отвечать на определенное предложение, надо будет искать трудные слова о себе, о своем будущем. И она их нашла. Она написала замечательное письмо Царю, которое, при самом пристальном анализе, не могло бросить тень на ее добропорядочность, но оставляло надежду.

«Мне очень приятно слышать, – писала Дагмар, – что Вы повторяете о Вашем желании оставить меня подле Вас. Но что я могу ответить? Моя потеря такая недавняя, что сейчас я просто боюсь проявить перед ней свою непереданность. С другой стороны, я хотела бы это услышать от самого Саши, действительно ли он хочет быть вместе со мной, потому что ни за что в жизни я не хочу стать причиной его несчастья. Да и меня бы это скорее всего также не сделало бы счастливой. Я надеюсь, дорогой Папа, что Вы понимаете, что я этим хочу сказать. Но я смотрю на вещи так и считаю, что должна об этом Вам честно сказать». Она оставляла право решающего хода за Цесаревичем, проявив этим и такт и ум.

Представлять Датский Королевский дом на похоронах в Петербурге должен был старший брат Минни Фредерик («Фреди»), который привез туда рассказ о тяжелых переживаниях сестры, чем вызвал новый отклик добрых чувств к ней со стороны русских, особенно со стороны Царя.

Датский принц быстро подружился с Александром, и все дни пребывания в столице Российской Империи они часто встречались и проводили много времени. Фреди рассказывал ему о Дании, о Дагмар, а Цесаревич – о себе и о России. С братом Дагмар передала фотографию Никса, которую сопроводила запиской, первым ее посланием к Александру Александровичу: «Посылаю Вам обещанный портрет нашего любимого усопшего, прошу Вас сохранить ко мне Ваши дружеские чувства. Пусть воспоминания о нем хотя бы иногда станут нас объединять. Ваша любящая сестра и подруга Дагмар».

Вполне определенно Датская Принцесса проявляла интерес к молодому, красивому и такому большому русскому Принцу, который, в свою очередь, выказывая симпатию к своей датской «сестре и подруге», не склонен был строить далеко идущих планов. Но расположение к ней у него уже было. В мае 1865 года он написал в дневнике: «Грустно было покидать милый Югенхайм, где так приятно живется, и в особенности было хорошо, когда была там с нами милая душка Дагмар; когда-то мы ее увидим, неужели она не приедет сюда? Можно сказать, что вся Россия ее полюбила и считает ее Русскою».

Однако Цесаревич был противником скорых решений, а обсуждать свою женитьбу чуть ли не у гроба умершего брата считал просто неприличным. Вскоре после похорон отправил небольшое любезное письмо Дагмар, и в их переписке наступил затяжной перерыв. Она не могла ему писать по нормам этикета. Ведь она же все еще в трауре и что она может сообщить? Он же не писал потому, что не знал, что сказать, так как еще не мог разобраться в своих чувствах. Но на стороне маленькой датчанки было время и еще один мощный союзник – Император Александр II.

Шли недели, и Цесаревич Александр все чаще и чаще вспоминал такое милое существо, с которым его свела судьба в Ницце. Раны душевные затягивались, и земные заботы и страсти проявлялись сами собой. 25 июня 1865 года занес в дневник: «С тех пор, что я в Петергофе, я больше думаю о Дагмар и молю Бога каждый день, чтобы Он устроил это дело, которое будет счастье на всю жизнь. Я чувствую потребность все больше и больше иметь жену, любить ее и быть ею любимым».

Эти настроения постоянно подогревали разговорами отец и мать. Мария Александровна даже написала Датской Королеве Луизе и пригласила ее с дочерью погостить у них в Петергофе. Королева откликнулась любезным письмом, благодарила Царя и Царицу, но с грустью сообщила о невозможности приехать «в этом сезоне», так как Дагмар требуется теперь полный покой и ей необходимо принимать морские ванны. К этому королева сочла нужным присовокупить, что дочь «будет и дальше заниматься русским языком».

Александр II объяснил сыну, что такой ответ на языке династической дипломатии означает следующее: мать просто опасается, как бы подобный приезд не вызвал разговоры о том, что Королева и Король желают любой ценой поскорее выдать свою дочь замуж, лишь бы не потерять случай. Император предложил выждать время, и тогда все будет хорошо.

Цесаревич же уже был настроен вполне определенно и записал: «Кажется, сама Дагмар желает выйти замуж за меня. Что же касается меня, то я только об этом и думаю и молю Бога, чтобы Он устроил это дело и благословил бы его». Но на пути к брачному венцу русскому Великому князю предстояло пережить еще немало испытаний.

Глава 4

Искушение неискушенного

После смерти старшего брата в жизни Александра произошли важные перемены. Он стал Наследником Престола, ему теперь надлежало быть чрезвычайно серьезным и требовательным к себе, к своему обучению и образованию; аккуратным и выдержанным в отношениях с людьми. Цесаревич – значительно больше, чем Великий князь; к нему отношение особое: подобострастно-пристрастное. Видя в нем будущего Царя, его слушали, оценивали и за ним наблюдали совсем по-иному. Многие придворные, ранее не проявлявшие особого внимания, начинали льстить и заискивать. Друзья тоже понимали новую роль Александра Александровича.

Деятельный и неутомимый Вово сразу же после похорон подарил толстую тетрадь, умоляя Александра регулярно вести дневник, чтобы сохранить для потомков слова и дела. На первую страницу даритель занес пожелание: «Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу Александру Александровичу. Первая книга, предназначаемая для Ваших дум, чувств, впечатлений». Наследник Престола дал обещание ежедневно вести записи, хотя это ему и не нравилось. У него раньше была памятная книжка, куда он по прошествии дня заносил несколько фраз. Теперь же надо было подробно описывать свое житьё-бытьё.

На протяжении последующих нескольких лет Александр Александрович аккуратно, каждый вечер или утро, мелким почерком заполнял обширные листы толстой книжки. Он никогда не был уверен, что это кому-нибудь понадобится, но ведь «так надо», а раз дело касалось долга, то здесь будущий Царь никаких уступок себе не делал. К тому же первое время, почти каждый день, к нему забегал Вово, и они, как было условлено сразу, читали друг другу свои дневниковые записи, а потом обсуждали их. Через некоторое время Цесаревичу надоела эта процедура, а манера Мещерского все подвергать критике, давать бесконечные советы раздражала, и совместные чтения и обсуждения постепенно прекратились. Вести же дневник Александр не прекратил до самого своего воцарения.

Александру Александровичу приходилось теперь делать и многое другое, к чему душа не лежала, но что входило в круг обязанностей Престолонаследника. Отец начал приобщать сына к государственным делам, приглашал на доклады министров, переправлял ему для ознакомления некоторые деловые бумаги, требуя от сына ознакомиться с ними и высказать свое мнение.

Александру было трудно. Надлежало многое знать и судить о вещах основательно и серьезно. Вернувшись из Ниццы, он в сердцах признался Мещерскому, что «я одно только знаю, что я ничего не знаю и не понимаю. И тяжело, и жутко, а от судьбы не уйдешь». Помогали учителя, помогали друзья.

Он сам много читал, изучал, размышлял, и придворные наблюдали очевидную перемену. Этот любитель простых удовольствий и бесшабашного времяпрепровождения часами сидел за письменным столом, внимательно знакомясь с книгами и бумагами. Такого усердия за ним раньше не замечали. Теперь же многое становилось иным. Изменялся и он сам. Но некоторые привычки и пристрастия сохранились.

Вечерами, или днем, в перерывах между занятиями, встречами, приемами, он уединялся и играл на корнете. Увлечение этим старым духовым инструментом, которым уж мало кто и пользовался, было одним из любимейших занятий Александра с юности. У близких это увлечение вызывало снисходительную усмешку, а некоторые заглазно подтрунивали. Трудно было сдерживать улыбку, видя, как рослый молодой человек сидит в своей комнате и добрый час (иногда и больше) «дует в трубу», вызывая сильные, но довольно однообразные звуки. Репертуар тоже не отличался особым разнообразием: в основном исполнялись военные марши, некото-

рые солдатские песни и народные мелодии. Что при этом испытывал сам исполнитель, какие чувства у него вызывало это занятие, осталось неразгаданным. Любовь же к духовым инструментам и духовой музыке сохранил до конца своих дней.

Летом Царская Семья проводила несколько месяцев вне Петербурга. Туда же переезжала Императорская Фамилия и Двор. Лето 1865 года проводили частью в Петергофе, частью в Царском, а в августе Императрица переехала в имение Ильинское под Москвой. Сам Император навещался к семье от случая к случаю, редко оставаясь больше нескольких дней, и опять возвращался в столицу, где его ждали бесконечные дела и заботы. Но и за городом, на природе, придворный этикет надлежало соблюдать неукоснительно.

Правила поведения распространялось не только на придворных, но и на детей. Они обязаны были каждое утро являться «к дорогой Мамá» для поцелуя, справляться о здоровье, рассказывать о своих планах на день. Вечером Александр, как старший, должен был непременно присутствовать на вечерах у Императрицы, где собирались избранные по ее приглашению. Читали, музицировали, играли в карты. Каждый день одно и то же. В Петергоф и Царское иногда приезжали артисты, давали спектакли, и это было всегда радостным событием, особенно для молодежи.

Александра Александровича тяготила придворная рутина, ему была несимпатична вся эта атмосфера вымученных присутствий, светских разговоров, заученных поз, фраз и жестов. Его естественной натуре претила любая фальшь, но в данных обстоятельствах он не имел права выбора и беспрекословно подчинялся. Конечно, при Мамá стало проще, чем было прежде, когда придворная жизнь определялась его бабушкой Императрицей Александрой Федоровной, умершей в 1860 году.

Кое-что о том времени он сам помнил, но многое ему рассказывали: капризная и беспокойная Императрица за несколько летних месяцев так умудрялась замучить всех, что в пору было ехать лечиться. Бесконечные переезды, нескончаемые изменения запланированных программ сбивали с толку, раздражали и шокировали. Все лето по дорогам между Царским Селом, Павловском, Петергофом кочевали придворные кареты, придворные обозы, перемещавшие в очередной пункт «дислокации» посуду, мебель, как и множество придворных лиц и прислуги.

Еще в 30-е годы XIX века по велению императора Николая I в нижней части Петергофа, на берегу моря, на обширной территории был разбит огромный парк, названный в честь его супруги Александрией. Здесь возвели несколько десятков различных строений, большая часть которых была сооружена на скорую руку. Все эти увеселительные павильоны, голландские мельницы, швейцарские шале, китайские домики, итальянские виллы не были рассчитаны на долгую жизнь и предназначались для сиюминутных встреч и кратковременных времяпрепровождений.

В Александрии, все еще мало обжитой и плохо обустроенной, придворным приходилось несладко. Здесь часто было невероятно сыро. Говорили, что грибы росли даже в комнате Императрицы в самом основательном здании Александрии – дворце под названием Коттедж, построенном в английском стиле архитектором Адамом Менеласом. В жаркие дни было тоже невыносимо, и все задыхались от духоты.

Став императрицей, мать Александра Александровича, Мария Александровна первое время следовала традиции своей свекрови. Нередко случалось, что кофе она желала пить в одном месте, а дневной чай в другом, расположенном от первого не в одном километре. Все приходило в движение, и скакали ездовые с развевающимися по ветру плюмажами, оповещавшие приглашенную публику прибыть к указанному часу в надлежащее место. И все волновались и переживали, так как боялись не успеть, что считалось чуть ли не преступлением для тех, кто не входил в семейный круг Императрицы. Постепенно Мария Александровна начала вести более спокойную и простую жизнь, а ритм Двора становился умиротворенным и предсказуемым.

Александра Александровича раздражала все эта придворная суэта, все эти обязательные и скучные приемы и вечера, но изменить он ничего не мог. Лишь став Императором, он внес в жизнь Двора немало нововведений, изменил многие придворные процедуры, придав этим величественную простоту повседневной жизни Царской Семьи. Но это все будет потом, а тогда, в первые месяцы в своей новой роли Наследника, он был молчалив и аккуратен, а свои мысли и неудовольствия доверял лишь своему дневнику.

Однако с некоторых пор посиделки у матушки стали радовать Александра. Нет, конечно, не сами эти собрания, а та возможность, которую они предоставляли; возможность видеть симпатичных людей, но особенно одного, точнее – одну. Молодой Цесаревич влюбился. Эта не была любовь с первого взгляда; она развивалась постепенно, исподволь, медленно, но неукротимо, все больше и больше овладевала сердцем юноши и в конце концов завладела им целиком. Это первая, чистая и светлая любовь дала бессонные ночи, частое сердцебиение, сладостные муки и тайные переживания.

Еще весной 1864 года Александр заметил молодую фрейлину своей матери, невысокую и стройную княжну Марию Мещерскую (1844–1868). Она не блистала яркой красотой, и Великий князь, может быть, и не обратил бы на нее особого внимания, но несколько коротких разговоров, случайных фраз, которыми они обменялись, остались в памяти. Она несомненно была умна, что сразу же выделило ее из толпы пресных и жеманных фрейлин и придворных дам. Она приходилась дальней родственницей Вово, и Александр расспросил о ней.

Друг рассказал, что отцом Марии Элимовны был князь Элим Петрович Мещерский, а мать – Варвара Степановна, урожденная Жихарева, из старого, но небогатого дворянского рода. Элим Мещерский служил при русской дипломатической миссии сначала в Турине, а затем в Париже, был бретер и бонвиван; человек светский, образованный, поэт, причем стихи писал исключительно по-французски. Он умер рано, тридцатилетним, в 1844 году, когда дочери Марии еще не было и года.

Мать умерла, когда Марии исполнилось пятнадцать, и княжну взяла под свое покровительство богатая тетка княгиня Елизавета Александровна Барятинская (урожденная Чернышова, 1826–1902), не питавшая особого расположения к своей бедной родственнице. В богатом петербургском доме Барятинских на Сергиевской Мария чувствовала себя неуютно, и ей везде подчеркнуто отводилось последнее место. Хотя хозяин дома генерал Владимир Иванович Барятинский (1817–1875) порой и демонстрировал расположение, но это лишь усиливало нерасположение хозяйки к молодой княжне.

В восемнадцать лет Мария Мещерская стала фрейлиной императрицы Марии Александровны и начала появляться при Дворе, обратив на себя внимание своей молчаливой задумчивостью.

Александр, как чисто русская натура, проникся состраданием к судьбе «бедной сиротки», но только сочувствием дело не ограничилось. Его чувства к ней развивались крещендо. Великому князю были еще неведомы сердечные увлечения. Он любил многое и многих, но то, что он стал ощущать теперь, не на что знакомое не походило: нечто совсем иное, незнакомое, что-то пленительно-упоительное, невероятное. Он себе не мог объяснить, что с ним происходит, почему постоянно в голове всплывают воспоминания о Марии, а он бесчисленное количество раз переживает и вспоминает подробности их встреч и разговоров. Начиналось же все довольно невинно и традиционно: она ему понравилась, и он с радостью виделся с ней.

Каждый год начинался в Петербурге балами и маскарадами, бывавшими чуть ли не ежедневно. Так продолжалось до Великого Поста, когда бурная светская жизнь затихала. И все стремились навеселиться всласть, набраться впечатлений и тем для разговоров на многие последующие месяцы. Кругом лютовали морозы, завывали метели, стояли длинные северные ночи, а в богатых особняках русской знати, в величественных дворцах Императорской Фамилии бушевало веселье: залы были озарены огнями, все кругом блестело и блистало от парад-

ных мундиров, дорогих шелков и кружев, немислимых маскарадных одеяний, водопада драгоценных камней на дамах: на руках, на шеях, в волосах. И куртины живых цветов, изысканно сервированные столы, ночные трапезы и шампанское, шампанское, шампанское...

Английский посланник (с 1872 года) при русском Дворе Лофтус оставил красочное описание этого зрелища: «Двор блистает и поражает своим великолепием, в котором есть что-то, напоминающее Восток. Балы с их живописным разнообразием военных форм, среди которых выделяется романтическое изящество кавказских одеяний, с исключительной красотой дамских туалетов, сказочным сверканием драгоценных камней, своей роскошью и блеском превосходит все, что я видел в других странах».

Александр Александрович с детства был достаточно стеснительным человеком, и ураган светских балов его пугал. В силу своей мощной комплекции не любил танцевать, боясь выглядеть смешным. Но в бальный сезон 1865 года он преодолел себя и много раз выходил в центр зала. У него были разные партнерши, но самой желанной – Мария Мещерская. Кадриль на балу в Зимнем, котильон на балу в Эрмитаже, кадрили в Дворянском собрании... Она прекрасно танцевала, и Александр не ощущал с ней неловкости; они улыбались и были счастливы. Отец заметил оживление сына, но смотрел на это благосклонно, как на естественное увлечение молодого человека.

Уже весной 1864 года Александр выказал признаки внимания к Мещерской и не скрыл от матери, что ему симпатична эта фрейлина. Мамá снисходительно улыбнулась. В его возрасте подобные настроения так естественны... В начале июня в письме к матери Великий князь Александр заметил: «Ездили с обществом в Павловск на ферму и пили там чай. М.Э. Мещерская ездила с нами также верхом и часто бывала с нами в Павловске; она оставалась в Царском до сегодняшнего дня, потому что княгиня Чернышева все откладывала свой отъезд в Париж по разным причинам. Мы, конечно, об этом не жалели».

У молодого Великого князя уже была своя компания, в которой охотно проводили время: брат Владимир, кузен Николай Лейхтенбергский («Коля»), кузен Николай Константинович («Никола»), князь Мещерский, князь Владимир Барятинский («Бака», 1843–1914), молодой граф Илларион Воронцов-Дашков (1837–1916), подруга Марии Мещерской, фрейлина Александра Жуковская (1842–1893) – дочь поэта и наставника Александра II Василия Андреевича Жуковского (1783–1859). Брат Никса тоже был своим в этой компании, но в середине лета 1864 года он «убыл в Европу».

К весне 1865 года Александр Александрович уже вполне определенно знал: Мари Мещерская ему симпатична значительно больше остальных, хотя при Дворе имелось немало «милых мордашек». Он не думал, что это любовь, то чувство, которое захватывает целиком, о чем он читал в различных книгах и о чем они постоянно говорили с друзьями. После смерти старшего брата Александр с особой силой ощутил свое одиночество. Мимолетным видением перед глазами промелькнул трагический образ Датской Принцессы Дагмар, и кто знал, увидятся ли они еще.

Летом того печального 1865 года чувства Александра к Марии Мещерской стали принимать характер не просто симпатии, а большого и серьезного увлечения. 7 июня записал в дневнике: «Каждый день то же самое, было бы невыносимо, если бы не М.».

Цесаревич с нетерпением ждал встречи, думал постоянно о княжне; общение с ней становилось потребностью его молодой жизни. Она, как никто, была участлива, так сердечно отнеслась к его горю, так внимательно и сострадательно слушала его рассказы о смерти дорогого Никсы! Он был глубокого тронут и бесконечно благодарен судьбе, подарившей ему столь верного друга.

Александр относился к себе критически. Молодому человеку казалось, что он – некрасивый, неуклюжий – не может нравиться женщинам. Ему не были присущи легкость и изящество, отличавшие и некоторых родственников, и многих офицеров гвардии. Не раз с завистью

наблюдал, как светские шеголи, пригласив партнершу на танец и еще только дойдя с ней до центра зала, уже весело болтали. Он же всегда чувствовал скованность, не знал, о чем говорить и как говорить, и в большинстве случаев так и не раскрывал рта за весь тур. С Мещерской подобной неловкости не ощущал. С ней просто. Мари его понимала.

Они стали «друзьями» и, таким образом, определили свои отношения. Но оставался Двор, строгий этикет, сохранялись обязанности и нормы, мешавшие свободному и желанному общению. Он – Наследник Престола, она – фрейлина. Они не имели возможности непринужденно видеться. В Царском и Петергофе было все-таки проще: там можно было, условившись заранее, якобы случайно встретиться на прогулке в парке и провести в беседе час-другой.

Однако подобные маленькие хитрости не могли оставаться долго незамеченными. Придворный мир, жестокий и замкнутый, не позволял долго находиться за пределами его внимания. Кто-то непременно что-то видел, что-то слышал, и в конце концов все становилось темами обсуждений. Тем более то, что касалось жизни и увлечений Наследника Престола; здесь уже не было мелочей, все подвергалось внимательному наблюдению и пристрастному комментированию.

Несколько недель они встречались регулярно на прогулках, но главным образом на вечерах у Императрицы. Там составлялись партии в карты, и Цесаревич старался выбрать себе партнершей Марию Элимовну, которую он обозначал в дневнике как «М.Э.».

Конечно, довольно быстро об очевидных пристрастиях Александра Александровича стало известно, и ему пришлось иметь объяснения с Марией Александровной, которая нашла подобное поведение «неприличным». Ничего не оставалось, как подчиниться воле матери-императрицы. 19 июня 1865 года, как обычно, увиделся с М.Э. вроде бы случайно на живописной, так называемой Английской дороге, ведущей из Царского Села в Павловск. Он был верхом, она – в коляске с гувернанткой-англичанкой. Цесаревич пересел к ней, и началась беседа по-русски, на языке, не знакомом попутчице княжны.

Пошел дождь, они вышли из экипажа и встали под деревом. Здесь Цесаревич решил сказать неприятное для обоих. Александр подробно отразил этот эпизод в дневнике: «Я давно искал случая ей сказать, что мы больше не можем быть в таких отношениях, в каких мы были до сих пор. Что во время вечерних собраний мы больше не будем сидеть вместе, потому что это только дает повод к разным нелепым толкам, и что мне говорили об этом многие. Она совершенно поняла и сама хотела мне сказать это. Как мне ни грустно было решиться на это, но я решился. Вообще, в обществе будем редко говорить с нею, а если придется, то – о погоде или каких-нибудь предметах более или менее неинтересных. Но наши дружеские отношения не прервутся, и если мы увидимся просто, без свидетелей, то будем всегда откровенны». Дорогая «М.Э.» все прекрасно понимала, ей не надо было долго объяснять ситуацию.

Затем Двор переехал в Петергоф, и несколько последующих дней они не виделись. Хранительницей их тайны была подруга княжны и хорошая знакомая наследника Александра Жуковская³, много раз в тяжелые минуты помогавшая им. Передавала записки и приветы, улаживала размолвки, охраняла их покой на прогулках, наблюдая за дорогой, как бы кто ненароком не появился. В периоды разлук Александра Васильевна непременно передавала Цесаревичу устные приветы от «дамы его сердца», что несколько согревало душу, но не доставляло большой радости.

Наконец, 27 июня они увиделись с княжной на обедне в дворцовой церкви, а затем на завтраке у Императрицы. По окончании трапезы Мари улучила удобный момент и подарила ему фотографию, где она была изображена в экипаже с Сашей Жуковской. На обороте значилось: «В воспоминание последнего дня в милом Царском». Того дня, когда состоялось то неприятное объяснение. На следующий день, 28 июня, Цесаревич записал: «В 9^{1/4} был вечер у

³ В замужестве баронесса Вормен.

Мама, все почти играли в карты, я сочинял стихи и страшно скучал и грустил по М.Э., которая не была приглашена».

Летом у мужской половины Императорской Фамилии много времени уходило на военные сборы и смотры, традиционно проходившие в Красном Селе под Петербургом, куда перебазировались гвардейские полки. По давней традиции здесь устраивались парады и учения гвардии. В отдельные дни объявлялись тревоги, и гвардейские части, возглавляемые традиционно членами Императорской Фамилии, совершали многокилометровые марш-броски. Проводились регулярно и офицерские состязания по стрельбе и вольтижировке.

Александр Александрович усердно обучался военному делу, хорошо знал воинские уставы, устройство армии, состав военной экипировки и оснащения. Он участвовал и в военных соревнованиях, но лишь в узком кругу «своих». На публике Наследник стеснялся продемонстрировать навыки верховой езды, которые не были очень успешными. Но зато стрелок это был отличный. Свое первоклассное мастерство много раз проявлял и на учебных офицерских стрельбах, и на многочисленных охотах. Но как только выдавалась свободная минута, как только освобождался от прямых обязанностей, опять подступала к сердцу тоска, снова неведомая сила тянула в Царское или Петергоф, туда, где он мог увидеть М.Э.

Княжна Мещерская была на год старше Цесаревича. У нее имелся значительно богаче жизненный опыт, чем у доброго, честного и наивного обожателя. Она за прошедшие годы успела узнать и пережить немало. Владея в совершенстве тонким искусством салонного кокетства, знала, как посмотреть, когда улыбнуться, в какой момент встать и пройти невзначай мимо молодого человека, овеяв едва уловимым, но пленительным ароматом дорогих французских духов, приведя его в состояние почти невменяемое.

Конечно, можно было предполагать, что княжна просто «подстрелила» первого из великих князей, что могло польстить самолюбию любой светской женщины. Александр долго не был уверен: любит ли его по-настоящему М.Э., или это всего лишь игра, становившаяся порой для него нестерпимой мукой. Лишь накануне смерти, в последний час, уходя из жизни в тяжелых мучениях, Мария Элимовна признается задушевной подруге Саше Жуковской, что никого и никогда не любила... кроме Цесаревича. Он узнает об этом и испытывает горестно-сладостное чувство. Но это все будет потом, потом, а пока шел еще 1865 год и Александр Александрович каждый день думал о М.Э.

Когда уехал в Ильинское, то попросил наставника-опекуна графа Перовского показать Жуковской и Мещерской его комнаты в Александровском Дворце Царского Села. Граф выполнил пожелание, провел молодых фрейлин по личным покоям Наследника: кабинет, библиотека, спальня... Они все внимательно рассмотрели, и когда встретились, Мария сказала, что у хозяина «есть вкус» и что его апартаменты ей очень понравились. Александр был счастлив.

Проведя в августе – сентябре 1865 года несколько недель в Москве и Ильинском у Мамы, Престолонаследник опять пережил тяжелые минуты, испытал сильную душевную боль. 8 сентября был день рождения Никса, первый его день рождения после кончины. На панихиде Александр не мог сдержать слез. Прошлое оживило. Снова вспомнилась милая Дагмар, опять ставшая для него близкой, почти родной. Принцесса связывала его с ушедшим, и эта связь казалась нерасторжимой.

В дневнике записал: «Плакал как ребенок, так сделалось грустно снова, так пусто без моего друга, которого я любил всех более на земле и которого никто на свете мне заменить не может, не только теперь, но в будущем. С ним я разделял и радость и веселье, от него ничего не скрывал и уверен, что и он от меня ничего не скрывал. Такого брата и друга никто из братьев мне заменить не может, а если и заменит его кто отчасти, то это Мать или будущая моя жена, если это будет милая Дагмар». Однако уверенности в этом не было: Датская Принцесса все еще обитала где-то далеко и высоко, как будто на другой планете.

На земле же, рядом, находились другие. Здесь была М.Э. Черная меланхолия не свойственна молодости; слишком много еще вокруг нового, интересного, неузнанного, непрочувствованного. Он все еще не имел возможности видаться с Мещерской так часто, как того хотелось бы. Они посылали друг другу записочки, коротенькие письма, где горевали от разлуки, но где не было недопустимых признаний.

Он ждал встреч, а без них его одолевало непонятное и незнакомое чувство неуютности. «Сегодня опять несчастный день, не виделся совсем с М.Э.», – записал Цесаревич 18 сентября. Однако теперь не каждая встреча радовала.

Ему все больше и больше не хватало ее внимания, подтверждения ее заинтересованности в нем. Княжна же вдруг могла нарочито за весь вечер ни разу на него не взглянуть, битый час беседовать с кем-нибудь другим и, уходя, даже не повернуть голову в его сторону. Раньше этого он не замечал. Теперь же подобная демонстрация выглядела как вызов, уязвляя мужскую гордость.

Александр тоже проявлял характер и на следующий вечер после такой обструкции специально не глядел в сторону Мещерской, выказывал полное безразличие. По окончании такого вечера неизменно начинались заочные выяснения и объяснения, а бедная Саша Жуковская по много раз курсировала между дворцами, передавая устные и письменные послания. Недоразумение выяснялось, и в следующий раз все выглядело как всегда. Но через какое-то время опять случалась «дуэль самолюбий».

Жизнь Двора порой разнообразилась, когда происходили спектакли, приглашались с концертами известные музыканты, читали стихи и прозу писатели, делали научные доклады на художественные и исторические темы именитые профессора или устраивались спиритические вечера. Традиция приглашать «метров оккультных наук» была положена покойной Императрицей Александрой Федоровной и к ним очень пристрастился император Александр II. Сын Александр не питал особого интереса к таким занятиям, но несколько раз, ради любопытства, присутствовал на спиритическом сеансе известного в Европе мага Юма.

На такие таинства допускались лишь самые близкие Императору лица. 6 октября 1865 года Цесаревич описал в дневнике свои впечатления: «Сначала долго ничего не было, но потом пошло отлично. Аккордеон играл великолепно, стол подымался, крутился и отвечал на вопросы. Потом начал писать княгине Гагариной, как будто от имени ее мужа, который недавно умер. Потом еще что-то писал, и тем кончились все манифестации духов. Во время сеанса многие чувствовали, что их трогали. Я чувствовал несколько раз в колено и даже раз в нос, а А.В. (Барятинского) – в плечо».

Сильного впечатления этот сеанс не произвел. Вернувшись домой, Великий князь «сейчас же лег спать» и сразу же заснул. Как истинно православный человек, Александр Александрович всю жизнь смотрел на все подобные вещи, как на пустые светские забавы, лично ему абсолютно неинтересные.

Совершенно иные, несравненно более глубокие эмоции Цесаревич испытывал от общения с М.Э., и сила этого воздействия постоянно возрастала. Молодой человек прекрасно понимал, что у их отношений нет будущего, что им никогда не суждено быть вместе, и именно потому, что он сам себе не принадлежит. Цесаревич понимал и другое: в любой момент может появиться некто, кто сделает предложение М.Э., и если она его примет (она ведь должна устроить свое семейное счастье!), то он ее больше уже не увидит (фрейлинские обязанности выполняли лишь незамужние).

Он об этом не раз думал, и у него появилась мечта: как бы было хорошо, если бы на Мещерской женился его близкий друг, наследник огромного состояния граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков. Цесаревич считал, что «это был бы великолепный муж: честный, благородный и умный малый. Я был бы совершенно счастлив и спокоен, если бы этим кончилось».

Графу уже было двадцать восемь лет – пора обзаводиться женой, а лучше чем М.Э. другу Иллариону не найти. Александр несколько раз расхваливал его в разговоре с княжной и очень сожалел, что они мало знакомы. Но эта мечта так и осталась мечтой. Вскоре Воронцов-Дашков женился на графине Елизавете Шуваловой (1845–1924), у них была большая и дружная семья. Прошли годы, и случилось так, что единственный сын Марии Мещерской Элим Павлович Демидов (1868–1943) женился в 1893 году на дочери Иллариона Ивановича – Софье (1870–1953).

Встречи и разговоры Наследника Престола и княжны снова привлекли внимание при Дворе. 9 ноября 1865 года записал: «Опять пошли неприятности. М.Э. мне сказала, что к ней пристают, зачем она садится возле меня так часто. Но это не она, а я сажусь возле нее. Снова придется сидеть Бог знает где и премило скучать на собраниях. О глупый, глупый свет со своими причудами».

Очередное предостережение произвело лишь краткосрочное действие. Они продолжали видаться и на вечерах у Императрицы, и на катке, где можно было вести себя значительно более раскованно. Уже 17 ноября Александр и княжна, мало обращая внимания на окружающих, проговорили добрых два часа. Разговор был очень интересен Наследнику, так как впервые Мещерская многое рассказала о своей жизни, о сиротских годах на чужбине. Ее откровенность глубоко тронула Александра Александровича.

Вскоре последовала жестокая кара. Обер-гофмейстерина Императрицы, сухая и чопорная графиня Екатерина Тизенгаузен (1803–1888), хранительница устоев и традиций, которую многие придворные боялись, как огня, вызвала фрейлину и устроила ей настоящую «головомойку». Она сообщила княжне, что та ведет себя крайне неприлично, что она чуть ли не открыто «бегает» за Наследником и ставит в неловкое положение не только себя, но, что совершенно недопустимо, и его. Как же можно себя так вести, ведь это ни на что не похоже! – негодовала графиня. Она категорически приказала Мещерской, во избежание «серьезных последствий», перестать встречаться с Цесаревичем, намекнув, что таково желание Императрицы. Мещерская не смела перечить.

Верная Саша Жуковская на следующий день умудрилась встретиться с Цесаревичем и все рассказала, прибавив, что княжна очень сожалеет, но «больше не будет садиться рядом». Александр Александрович был вне себя от возмущения и свое негодование доверил дневнику:

«Опять снова начались сплетни. Проклятый свет не может никого оставить в покое. Даже из таких пустяков поднимают истории. Черт бы всех этих дураков побрал!!! Даже самые невинные удовольствия непозволительны; где же после этого жизнь, когда даже повеселиться нельзя. Сами делают черт знает что, а другим не позволяют даже видаться, двух слов сказать, сидеть рядом. Где же после этого справедливость!» На эти вопросы Александру никто не мог ответить, да он и не надеялся на разъяснения.

Последующие недели у Наследника было плохое настроение, и он даже несколько раз пропустил вечера у Мамá, сославшись на недомогание. Александр думал много о счастье, о справедливости и о своей судьбе, которая ему в этот момент представлялась такой безрадостной. Его охватил приступ меланхолии, которую заметили окружающие, но причина которой большинству была непонятна.

События же развивались вне зависимости от настроения самого Наследника, и предначертанное должно было случиться. 28 ноября 1865 года его вызвал отец и сообщил, что он получил письмо от Дагмар, которая просила передать ему свою фотографию. Император попросил сына написать Принцессе ответ и поблагодарить за подарок. Но прошло почти три недели, прежде чем Александр исполнил Цареву волю и отправил в Копенгаген несколько слов. Мыслями и чувствами он был далеко от Дании.

В начале декабря Царская Семья переехала на постоянное жительство в Петербург, и Александр записал: «Жалко было покидать Царское, где, может быть, в последний раз провел такую весну и осень. Сколько милых воспоминаний».

В столице все завертелось обычным порядком: учеба, встречи с родственниками, а вечером – театр и чтение. Самые яркие впечатления того трудного и печального для Цесаревича периода: опера Александра Серова «Рогнеда», поставленная на главной Императорской сцене в Мариинском театре, драма А.С. Пушкина «Дубровский», которую он узнал впервые и где описана так талантливо большая и настоящая любовь, верность и предательство, а также «Тарас Бульба» Н.В. Гоголя, где показаны сильные и честные характеры, которые ему всегда импонировали.

Незадолго до Нового года Императрица имела разговор с сыном о Дагмар, и он выразил свое согласие «сделать все, что надо». Почти через месяц, 11 января 1866 года, разговор был продолжен. В тот день решили: Александру необходимо ехать в Копенгаген и просить руки. Он не возражал и записал, что «если Бог даст, все будет как желаем».

Как желаем! Он готов безропотно подчиниться долгу. Через три дня у Императрицы он осмотрел коллекцию драгоценных подарков – украшений для Датской Принцессы, которые начали делать еще при Никсе, но потом все остановили. Сейчас все было завершено и выглядело очень впечатляюще. В тот день занес в дневник, что «если Бог даст, она будет моей женой».

Глава 5

ДИНАСТИЧЕСКИЙ АЛЬЯНС

Судьба семейной жизни, как казалось, была окончательно решена. Император Александр II условился с Датским Королем Христианом IX, что его сын приедет в начале лета в Копенгаген. Смысл визита был вполне очевиден, и все исподволь начали готовиться к важному событию.

Александр знал, что обязан отправиться в Данию и попытаться добиться согласия Дагмар стать его женой. Все было просто, ясно и невыносимо тоскливо. Принцесса ему нравилась, она была именно той, кого только и мог видеть своей женой. Но оставались другие привязанности, а до лета еще было так далеко.

16 февраля 1866 года Мари Мещерской исполнилось 22 года, и Александр послал ей свою фотографию и передал поздравления. Через десять дней наступил день рождения Цесаревича. Настроение было безрадостным: «Вот минуло мне 21 лет, что-то будет в этот год? Вспомнил я письмо милого брата, которое он написал мне ровно год тому назад, где он поздравляет меня с 20 годами... Но вот его не стало, и он оставил мне свое место, которое для меня было всегда ужасно, и я только одного желал, чтобы брат мой был женат скорее и имел сына, тогда только, говорил я себе, я буду спокоен. Но этому не суждено было исполниться».

Через два дня, на вечер у Мама́, как было заведено накануне Великого Поста, было чтение Евангелия от Иоанна с пояснениями. Цесаревичу вспомнилась Ницца. Стало грустно. «Да не смущается сердце ваше; веруйте в Бога и в Меня веруйте. В доме Отца Моего обителей много; а если бы не так, Я сказал бы вам: «Я иду приготовить место вам». И когда пойду и приготовлю вам место, приду опять и возьму вас к Себе, чтоб и вы были, где Я. А куда Я иду, вы знаете, и путь знаете».

Эти проникновенные слова звучали у постели умирающего Никса, и Александр навсегда их запомнил. На какое-то время вдруг позавидовал своему старшему брату. Мысль была крамольной, и он ее быстро отбросил.

Той весной, как никогда раньше и никогда потом, он остро ощутил свою ненужность в этом мире, земную неприкаянность. Кто он, зачем он? Нет, конечно, он знал все и о предназначении, и о долге, и беспрекословно готов был нести крест судьбы. Однако существовали чувства, оставались желания, естественные и неизбежные для молодой и искренней натуры. Ему хотелось любить, быть любимым, ежеминутно осознавать и ощущать свою нужность близкому человеку. Юность проходила, мальчик становился мужчиной.

Его уже не удовлетворяла отроческая влюбленность; он мечтал уже о нечто большем. Ему хотелось иного, чем простых встреч и милых разговоров с симпатичной женщиной. М.Э. находилась рядом, она была дорога и желанна. 15 марта записал: «Я ее не на шутку люблю, и если бы был свободным человеком, то непременно бы женился, и уверен, что она была бы совершенно согласна».

О таком развитии событий можно было лишь мечтать; на то он не имел права. Опять эти мысли о правах, о возможном и допустимом. Как хорошо простым смертным: они принадлежат сами себе, они могут вести удобную себе жизнь, строить ее, исходя из личных наклонностей и желаний.

В нем все время происходила борьба между чувством долга и порывами молодого сердца. В марте он окончательно решил, что пора расстаться с М.Э. Он уже несколько раз говорил с Мама́ о поездке в Данию, они внимательно и основательно уже все обсудили, и Цесаревичу надлежало теперь полностью оторваться от других симпатий и целиком сосредоточиться на

подготовке к будущей встречи с Датской Принцессой и к возможной женитьбе на ней. А с Мещерской они останутся, как и раньше, друзьями.

Вечером, 23 марта 1866 года, Наследник занес в дневник: «Теперь настает совсем другое время, серьезное; я должен думать о женитьбе, и дай Бог найти мне в моей жене друга и помощника в моей незавидной доле. Прощаюсь я с М.Э., которую любил как никого еще не любил, и благодарен ей за все, что она мне сделала хорошего и дурного. Не знаю наверно, любила ли она меня или нет, но все-таки она со мною была милее, чем с кем-либо. Сколько разговоров было между нами, которые так и останутся между нами. Были и неприятности и ей и мне за нашу любовь. Сколько раз я хотел отстать от этой любви, и иногда удавалось на несколько времени, но потом опять сойдемся, и снова мы в тех же отношениях».

Теперь, как казалось, ему удалось преодолеть себя и устремиться целиком в будущее, а милая М.Э. – это теперь прошлое. Радостное и счастливое, но – прошлое. Подведя эти итоги, Александр Александрович привел поэтическую цитату:

В толпе друг друга мы узнали;
Сошлись и разойдемся вновь.
Была без радости любовь,
Разлука будет без печали.

Это был его любимейший Лермонтов, стихотворение «Договор», которое они неоднократно читали вслух на вечерах. М.Э. тоже любила Лермонтова, ей, как и Александру, нравились одни и те же места и особенно «Договор». «Пускай толпа клеймит презреньем наш неразгаданный союз...» Им казалось, что это было написано про них, про их тайну, про их печаль и радость.

В последние дни марта на семейном совете было решено, что Александр вместе с братом Владимиром поедет в Данию в конце мая, проведет там недели три, а по возвращении совершит большое путешествие по России. Он теперь иногда виделся с Мещерской, охотно с ней разговаривал, но все время отгонял от себя чувственные порывы. Все шло, как должно было идти, и вдруг 4 апреля случилось ужасное, невероятное, страшное. На дорогого Папá было совершено покушение.

Около пяти часов вечера, возвращаясь в Зимний Дворец, Цесаревич узнал, что в Государя стреляли. «Услыхав это, я выбежал вон из комнаты, сказал Владимиру, и побежали оба к Папá. У него в кабинете застал почти все семейство, а Папá сам принимал Государственный Совет. Я кинулся к Папá на шею, и он только мне сказал: “меня Бог спас”».

Скоро стали выясняться детали. Император с сестрой Марией и ее сыном, как это он часто делал перед обедом, гулял в Летнем саду. Когда прогулка завершилась и он сел в коляску, услышал выстрел и увидел человека с пистолетом в руке, на которого уже успели наброситься несколько прохожих. Злодеем оказался студент, выходец из бедной дворянской семьи, некто Дмитрий Каракозов (1840–1866). Вскоре установили, что он давно принадлежал к тайному обществу нигилистов, вознамерившихся свергнуть Царскую Власть и установить какую-то социалистическую республику.

Цесаревич был вне себя от негодования. Боже мой, что за люди! Стрелять в Государя! Какие-то выродки! Как могла подняться рука! Безумцы! Ведь Папá так много делает для России: он отменил крепостное право, проводит многие реформы, которые должны укрепить государство и привести к миру и процветанию. Он работает целыми днями, не жалея себя, не покладая рук, но находятся негодяи, не дорожащие Россией, ум которых отравлен ядом разрушительных учений. Боже мой, а если бы злодейство удалось, то ведь вместо дорогого Папá он бы мог оказаться на троне! Непостижимо! Нет, нет, об этом даже страшно и подумать!

В последующие дни служились благодарственные молебны, возносилась хвала Всевышнему, спасающему жизнь Русскому Царю. Казалось, что это лишь печальное недоразумение, которое не должно (не может!) повториться. Но все только начиналось. Разворачивалась беспощадная кровавая «охота» на Монарха, в которую включались группки разношерстной молодежи, объединенные лишь ненавистью к исконной России, презрением к ее истории и культуре. И будут звучать новые выстрелы и взрывы, и молодые люди с лицами невротиков будут стрелять еще не раз в Царя, будут покушаться до тех пор, пока с седьмой попытки не добьются осуществления своего безумного намерения. Роковой взрыв прозвучит через пятнадцать лет после первого покушения.

Вскоре после этого события у Александра случилась личная неприятность. Как-то вечером тетя Маруся (сестра отца Мария, в замужестве – герцогиня Лейхтенбергская) сообщила племяннику, что в одной французской газете помещена статья о нем. В ней говорилось, что Наследник Русского Престола ведет несерьезную жизнь, отказывается от брака с Датской Принцессой, так как увлечен княжной Мещерской. Тетушка утверждала, что, по некоторым сведениям, эта статейка перепечатана в других странах и даже, о ужас, якобы и в Дании.

Александр был обескуражен. Могла сложиться неприятная ситуация. Если об этом узнают Король, Королева и Дагмар, то вполне вероятно, что ему дадут отрицательный ответ. Но его главным образом расстраивало не это. Он был озабочен другим.

«За себя мне все равно, но бедная, бедная М.Э.! Вот до чего я ее довел, что об ней печатают в газетах! Вот он, мир-то! Вот люди!» Настроение было испорчено надолго. Вечером того грустного дня он уединился и допоздна читал только что появившуюся в печати первую часть романа Федора Достоевского «Преступление и наказание». Книга произвела сильное впечатление, и он заметил: «Ужасная вещь, но очень интересно и хорошо написано».

Император и Императрица были обеспокоены слухами и сплетнями, которыми обрас- тало предстоящее сватовство Наследника. Александр II напрямую спросил сына: какие у него отношения с Мещерской? Цесаревич ответил, что никаких, а что все эти разговоры – досужие домыслы.

Александр Александрович был честен, не лукавил. Он не знал и не предполагал, что есть вещи, есть порывы, которые далеко не всегда можно легко преодолеть. Что-то в нем надломилось, что-то вдруг сделалось с молодым богатырем, и он буквально потерял голову. На какое-то время все было забыто, все отошло на задний план, а самым главным для него стала М.Э., для которой он готов был пожертвовать всем. Это был безумный, самый необъяснимый момент в его жизни, о котором позднее скажет, что был тогда «как помешанный».

18 апреля на Царском балу в Зимнем Дворце княжна Мещерская танцевала с Цесаревичем и мимоходом, невзначай, сказала ему, что ей сделал предложение молодой князь Витгенштейн. Сообщив это, «парижская сиротка» невинно спросила Наследника: как он думает, стоит ли ей выходить за него замуж?

Молодой человек испытал потрясение, «чуть не упал, слышав это», и после этого «был как сумасшедший», плохо соображал. К счастью, бал скоро кончился. Придя к себе и несколько успокоившись, Цесаревич заключил, что, может быть, свыкнется с этим положением, но всегда будет сожалеть, что Мария ему «не принадлежала хоть на один час». Дневниковая запись того дня заканчивалась меланхолическим восклицанием: «Прощайте, Дусенька!»

Однако прощаться было рано. Ничего не выходило. Избавиться от мыслей о М.Э. не удавалось. Его дорогая, желанная княжна скоро может принадлежать другому! Боже мой, за что такое наказание! Наследник не мог уснуть, долго ворочался, вставал курить, наконец, решил посоветоваться с умным и деятельным Вово. У них получился долгий, обстоятельный и непростой разговор.

Князь Мещерский уже давно знал об увлечении Наследника его взбалмошной родственницей. Однако до того апрельского дня 1866 года Владимир Петрович не предполагал, что это

увлечение столь серьезно. Александр сказал другу, что пойдет на все, готов даже отказаться от прав на Престол, лишь бы соединить свою жизнь с «ненаглядной Дусенькой». Вово был шокирован. Кто бы мог подумать, что у Александра Александровича такая страстная натура, что он во имя любви способен перечеркнуть свою жизнь, отбросить дорогое и возвышенное, пойти на скандал, на разрыв, на всеобщее осуждение, лишь бы обладать этим «бель флёр».

Мещерский умолял не совершать опрометчивого шага, заклинал Цесаревича подумать о России, о своем предназначении, но быстро понял, что доводы рассудка не действуют на высококордного друга. Тогда прибег к другому аргументу. Ну, хорошо, заявил князь, вы откажетесь от прав на Престол, от титула, от положения, откажетесь от всего и женитесь на Мещерской. Но ведь она вас не любит, она не способна любить. Это ведь мелкая эгоистическая натура, испытывающая удовольствие лишь от того, что кружит голову Престолонаследнику. Вово нанес сильный удар.

Александр в душе не был уверен в чувствах княжны, ведь они даже ни разу не объяснились. Он иногда осторожно говорил ей о своих чувствах, но княжна никогда не отвечала ничего определенного. Да, она была мила, она была добра к нему, но ведь это еще не любовь. Беседа с другом Александра не успокоила; она лишь ухудшила его настроение, которое и до того было безрадостным.

Вечером, уже в одиночестве, вспомнив весь разговор, Александр пришел к заключению, что Вово не прав. «Я достаточно знаю М.Э. уже два года, чтобы не ошибаться, по крайней мере в этом». Она смотрит на него так ласково и всегда говорит, что без него скучает. Разве это не подтверждает ее чувств?

Он же уже не мог теперь представить своей жизни без Мари. «Что бы я дал за один поцелуй от нее. Были минуты, когда было недалеко до этого, но все-таки было нельзя, потому что или А.В. (Жуковская), или Владимир (брат) были там, хотя и не видели и не слышали, что мы делали. Когда мы христосовались, то эта минута была для меня каким-то сном, когда я прикасался губами к ее губам, почти к самым губам». В молодом человеке бурлила страсть, она порой подавляла все остальные чувства и мысли.

Иногда наступали периоды прозрения, и он опять с полной ответственностью относился к своим обязанностям. Спокойно и рассудительно обсуждал с родителями будущую семейную жизнь, предстоящую поездку в Копенгаген и объяснение с Дагмар. Отец несколько раз возвращался к той скандальной газетной публикации и выражал беспокойство, что это может «сделать неприятное впечатление в Дании». Александр же все время выражал надежду, что «все пройдет благополучно», хотя в душе твердой уверенности и не было.

В начале мая брат Алексей, с детских пор предрасположенный к морскому делу (в свои зрелые годы он станет Главным начальником флота и морского ведомства), завершил строительство небольшой яхты, которую назвал «Dagmar». Это не было случайным. Брат был уверен, что Датская Принцесса, которую уже знали и любили в России, станет женой Цесаревича. Но у самого Александра в этот момент существовали сомнения. Он отправился на спуск яхты и уже доехал до Адмиралтейской верфи, но увидев толпу народа, «поспешил удалиться, потому что боялся разных намеков на свой счет».

Александр Александровичу порой казалось, что он «пережил свои желания», но наступали другие минуты – и все опять возвращалось: тоска, грусть, неотступные мысли о М.Э. В конце апреля Двор переехал в Царское, и Александр решил больше не ходить на вечера к Мамá. Свой афронт он объяснил так: «Во-первых, чтобы заниматься дома, а, во-вторых, они мне надоели. Мне теперь мало видаться только с М.Э., что прежде уже для меня было счастьем; я чувствую, что теперь это меня не насыщает и мне надо больше, но что это больше». Далее следовало многоточие.

Александр, конечно же, знал, как «появляются дети», и у него были возможности найти простой и доступный путь к «ласкам и блаженству». Но это была искренняя и цельная натура,

не принимавшая и не понимавшая, как можно вступать в отношения с женщиной без любви. А любовь – значит брак, значит – на всю жизнь. Здесь сомнений не существовало.

Беспрерывная борьба между тем, чего хотелось, и тем, что обязан делать, истомила, измучила. И он принял трудное решение. Несколько дней непрерывно размышлял о будущем, о своем выборе и в конце концов склонился к тому, что невозможно было еще совсем недавно и предположить. Май 1866 года стал для Цесаревича Александра тяжелым рубежом в жизни, тем Рубиконом, перейдя который будущий Император воспитал волю, закалил характер в непростой, мучительной борьбе с самим собой.

К середине мая у него появилось намерение расставить все точки над «и». «Я только и думаю теперь о том, чтобы отказаться от моего тяжелого положения и, если будет возможность, жениться на милой М.Э. Я хочу отказаться от свадьбы с Дагмар, которую я не могу любить, и не хочу. Ах, если бы все, о чем я теперь так много думаю, могло бы осуществиться! Я не смею надеяться на Бога в этом деле, но может быть и удастся. Может быть, это будет лучше, если я откажусь от Престола. Я чувствую себя неспособным быть на этом месте, я слишком мало ценю людей, мне страшно надоедает все, что относится до моего положения. Я не хочу другой жены как М.Э. Это будет страшный переворот в моей жизни, но если Бог поможет, то все может сделаться, и может быть, я буду счастлив с Дусенькой и буду иметь детей. Вот мысли, которые теперь меня все больше занимают, и все, что я желаю. Несомненно, что поездка в Дании на носу и преследует меня как кошмар».

Искреннее безумие молодости! Если бы не предусмотрительный Владимир Мещерский, настоявший на том, чтобы Наследник вел свой исповедальный дневник, вряд ли бы кто сейчас и узнал, что Император Александр III, этот целеустремленный, честный и уверенный в себе правитель, мощную фигуру которого олицетворял монументальный памятник, созданный скульптором Паоло Трубецким и поставленный в центре Петербурга уже в XX веке, что этот сильный Самодержец подвергался в молодости серьезным искушениям и колебаниям.

Во имя любви он готов был отказаться от судьбы Венценосца, готов был бросить вызов всем и вся. Для этого надо было иметь сильный характер, обладать смелостью незаурядной. Эти качества у Александра были. Он не видел особой трагедии в том, что вместо него Наследником Престола станет брат Владимир. Тот был всего на два года младше Александра, имел ровный характер, умел нравиться окружающим. Папа и Мама должны его понять! Он ведь любит так глубоко и так серьезно! Правда, оставалась Дагмар, но ведь он не связан с ней никакими обязательствами, и кто знает, может быть, она и не захочет стать его женой! В конце концов все ведь можно объяснить.

Александр непрестанно думал о разговоре с отцом, снова и снова мысленно перебирал аргументы и доводы. Посоветоваться было не с кем. Вово почти каждый день забегал, все время умолял его пересмотреть свое решение, и Цесаревич решил с ним больше эту тему не обсуждать. Никому же другому доверять было нельзя. Все могло до срока стать известным, и тогда жди волны сплетен, слухов, клеветы.

Приняв решение за себя, Александра смущало одно, но очень важное обстоятельство: позиция самой княжны. 17 мая записал: «Я каждый вечер молю горячо Бога, чтобы Он помог мне отказаться от престола и, если возможно, устроить счастье мое с милой Дусенькой. Меня мучит одно, это то, что я боюсь очень за М.Э., что когда наступит решительная минута, она откажется от меня, и тогда все пропало. Я непременно должен с ней переговорить об этом и как можно скорее, чтобы ее не застали врасплох. Хотя я уверен, что она готова за меня выйти замуж, но Бог один знает, что у нее на сердце, не хочу больше об этом». Но объясниться с княжной так и не удалось.

Роковой момент должен был наступить, и он наступил. Дни середины мая 1866 года в Царском Селе навсегда врезались в память Александра Александровича. Они принесли страш-

ные душевные переживания, но привели, как признается позже, к «выздоровлению от тяжелого недуга».

18 мая Александр встал, как обычно, около 8-ми, пил кофе, затем занимался русской историей с С.М. Соловьевым. Потом был визит к родителям и прогулка. Затем занятия по государственному праву с К.П. Победоносцевым. Далее – урок музыки. Потом с Бакой Барятинским отправился прокатиться в Павловск. На обед в честь фрейлины Наденьки Бартеновой (1821–1902), к шести часам вечера, поехал в Боболово, где собралась небольшая компания «своих». Здесь была Саша Жуковская и Мари Мещерская. Обед был оживленным, много смеялись, танцевали и разъехались все довольные. Около 9 вечера Цесаревич вернулся к себе и сразу же узнал, что его вызывает отец.

Император поинтересовался, почему сын не пришел на обед к Мамá и не уведомил о том, что уезжает к друзьям. Александр попросил прощения. Далее Александр II сообщал, что статья в газетах о нем и Мещерской, как теперь точно известно, перепечатана в Дании. Король Христиан забеспокоился и обратился с письмом к Царю, где спрашивал: правда ли это? Этот вопрос отец переадресовал сыну.

Вместо прямого ответа Александр стал говорить, что теперь никак не может ехать в Данию, так как ему совсем не хочется жениться. Император поинтересовался, что же все-таки ему мешает ехать в Данию: уж не любовь ли к Мещерской? Сын молчал, и Царь, очень спешивший, перенес беседу на следующий день, попросив сына все хорошо за это время обдумать.

Потом был вечер у Марии Александровны. Собралось все то же общество, в том числе и М.Э., рядом с которой Цесаревич не рискнул сесть. На клочке же бумаги написал ей короткую записку, где сообщил, что отказывается ехать в Данию. Мещерская тут же ответила, что он непременно должен ехать.

Александр Александрович считал, что на самом деле Мещерская рада такому решению, так как в душе желает стать его женой, но сказать об этом напрямую он так и не решился, потому что «она может испугаться и отказать». В эту ночь Александру плохо спалось, так как было «много тяжелых и неприятных впечатлений сегодняшнего дня».

Наступил следующий день. Стояла почти летняя погода. В Царском все цвело и благоухало. Цесаревич проснулся рано, на душе было безрадостно. После утреннего кофе – урок английского языка. Затем визит к родителям, после которого остался на доклад военного министра у Папá. Далее – прогулки, опять уроки. В 6 часов вечера – семейный обед. По окончании Александр уединился у себя и написал письмо Мещерской, где сообщил, что решил, во имя их любви, отказаться от Престола. Письмо запечатал и решил позже, после собрания у Мамá, отправить.

Но вечером, около 9-ти, Император пригласил сына для объяснения. Александр теперь вполне определенно сказал, что не хочет ехать в Данию, так как чувствует, что не может любить Дагмар, потому что любит Мещерскую. Отец был удивлен и спросил, что же он предлагает написать в Копенгаген, что все наши переговоры ничего не стоят, а все, что опубликовано в газетах – правда?

Тогда Александр Александрович решил и заявил, что отказывается от Престола, «так как считает себя неспособным». Услышав такое, Александр II – Самодержец Всероссийский, повелитель огромной державы, на какое-то время потерял дар речи. Уму непостижимо! Кто бы смел подумать, что дело пойдет так далеко! Бедный Мака, он просто сошел с ума! Ну, всегда при Дворе были всякие амурные истории, постоянно возникали любовные увлечения, но чтобы во имя них отказаться от Богом возложенной миссии, от святой обязанности, которая выше всех земных страстей! Такого еще не бывало.

Наследник отказывается от Престола – и из-за чего? Из-за мимолетного увлечения, во имя эгоистических сиюминутных удовольствий! Придя в себя, Император разразился таким

гневным монологом, пришел в такую ярость, в состоянии которой сын отца никогда не видел. Он и не подозревал, что Папá способен на такие резкости.

«Что же ты думаешь, – вопрошал Император, – что я по доброй воле на своем месте? Разве так ты должен смотреть на свое призвание? Знай, что я сначала говорил с тобой как с другом, а теперь я тебе приказываю ехать в Данию, и ты поедешь, а княжну Мещерскую я отошлю».

Это было крушение. Крушение всех надежд и мечтаний, всего того, о чем Александр так долго и основательно думал. Он не ожидал, что разговор примет подобный оборот и что Папá откажется понимать его. Особенно его задела слова об участии «милой Дусеньки», и Александр попытался вступить за нее, взяв всю вину на себя. Но Император не хотел ничего слушать, заявив, чтобы тот «вышел вон», так как «он его знать не желает».

С этим Александр и удалился, неся тяжелый груз разбитых чувств. Придя к себе, послал за Вово и все тому рассказал. Друг успокаивал как мог, но на душе все равно было черным-черно. Особенно угнетала мысль, что он стал причиной несчастья М.Э. и что ее теперь уж наверное отлучат от двора, что может сломать ее.

«О Боже, что за жизнь, стоит ли того жизнь после этого. Зачем я родился, зачем я не умер раньше». Он написал Мещерской, рассказал ей в общих словах про случившееся и посоветовал, если будут спрашивать, не давать никаких его писем и записок, а все, что у нее есть, или спрятать или сжечь. Он понял тогда, теперь уже окончательно, что не может жить как захочет, что ему надо повиноваться судьбе. Таков его крест, и он должен со смирением нести его до своего последнего вдоха.

Следующий день начинался как всегда. Встречи, уроки и беседа с Мамá и Папá. Отец к нему отнесся значительно сердечней, чем вчера, ничем не выказал неудовольствия. Со стороны казалось, что отношения были обычными. Александр радовался такому великодушию Императора, но угрызения совести оставались.

После завтрака Саша Жуковская успела передать Александру письмо от Мещерской, в котором та сообщала о своем потрясении после получения его письма. На словах Жуковская добавила, что подруга ужасно расстроена, не находит себе места, плачет не переставая, и даже не смогла быть на дворцовом выходе, сославшись на болезнь. Вечером, как было условлено, Александр встретился с М.Э. на прогулке в парке. Это было горестное объяснение. Еле сдерживая слезы, Александр сказал, что он едет в Данию, что у него нет другого выхода, но что он навсегда сохранит к Марии чувства любви и благодарности.

Княжна все понимала, она ни в чем его не винула. Мари была грустна как никогда и сказала, как показалось Цесаревичу, с сожалением, что не подозревала о том, что он так ее сильно любит. Они пожали друг другу руки и разошлись. Потом, на вечеру у Мамá, Александр улучил минутку и решил еще раз попросить отца не поступать с княжной так бессердечно, сказав, что она ни в чем не виновата. В разговор вмешалась Мария Александровна, заметившая, что сын может не беспокоиться. Она все сделает очень тонко, и Мещерская поедет на время в Париж со своей тетушкой княгиней Чернышевой, о чем та уже порядочно времени назад просила Императрицу.

В следующие дни все шло обычным порядком, и Александр начал успокаиваться. Он часто вспоминал о М.Э., но эти мысли все меньше и меньше рвали душу. Он готовился к встрече с Дагмар. И каждый день виделся с Мещерской. Встречи эти были радостные, походившие на те, в давние времена, когда они были лишь добрыми друзьями. Затем была краткая поездка с родителями в Москву, где были и торжественные выходы в Кремле, и посещения московских святынь, и беседа с митрополитом Филаретом. Там душа «пришла в равновесие».

Вернувшись в Петербург 28 мая, горячо, со слезами молился у могилы милого Никса в Петропавловском соборе. Прошло всего чуть больше года, как дорогого брата не стало, а так

много уже переменялось. Ведь если бы Николай был жив, то, может, и у него была совсем другая судьба, а ему бы наверное не пришлось переживать тяжелые мучения.

Отъезд в Данию был назначен на 29 мая. Утром того дня он встретился в парке с М.Э., и они сердечно простились. В половине десятого утра была обедня, а затем пошел прощаться с обер-гофмейстериной графиней Тизенгаузен. Войдя в длинный коридор лицейского корпуса, здания, примыкающего к Большому Царскосельскому дворцу, где раньше размещался известный Царскосельский лицей, а теперь жили придворные служащие и фрейлины, он увидел Мещерскую, направлявшуюся к себе.

Что-то с ними вдруг необычное случилось. Прозвучали какие-то слова, затем взялись за руки, вошли в первую попавшуюся пустую комнату. Княжна бросилась на шею Александру, и они слились в страстном поцелуе.

Время остановилось. Стояли обнявшись и трепетали, и целовались, целовались без конца. То, о чем он мечтал давно, о чем грезил в своих юношеских мечтаниях, сбылось. Милая М.Э. была в его объятиях. Она принадлежала ему и страстно призналась, что всегда любила только его одного и никого никогда больше не любила. Это была радость великая, горестно-сладостная радость. Однако им не суждено быть вместе. Судьбу нельзя выбрать и переиначить.

Они простились. Ему надо было спешить на яхту «Штандарт», отправлявшуюся из Кронштадта. Его уже ждали, и времени было в обрез. У Марии теперь своя дорога.

В следующий раз их пути пересекутся через год, уже в Париже, куда Цесаревич приедет с отцом по приглашению императора Наполеона III. Там, «в столице мира», он увидит ее в доме княгини Чернышевой, а вскоре узнает, что княжна помолвлена с молодым и богатым Павлом Демидовым, князем Сан-Дonato (1839–1885). Он будет рад за нее и искренне пожелает ей счастья.

А еще через год до него дойдет скорбная весть, что Мария, родив сына Элима, умерла на следующий день в тяжелейших муках. Ей было всего 24 года. Ему об этом подробно расскажет Саша Жуковская, с которой Александр не раз будет вспоминать ушедшие времена, дорогую М.Э., эту сладкую тайну юности.

Александр Александрович не посвятит в эту тайну жену, свою Минни, с которой был всегда откровенен и которую любил больше всего на свете. Может быть, боялся обидеть, а может быть, стеснялся показать слабохарактерность.

Когда через несколько лет его младший брат Алексей влюбится в Сашу Жуковскую и та ответит ему взаимностью, а отец категорически запретит третьему сыну Алексею (не престолонаследнику) вступать в морганатический брак, то человеческое сочувствие Александра и Минни будет на стороне несчастных влюбленных.

Однако как Цесаревич Александр осудит намерение брата, собиравшегося пренебречь святым чувством долга во имя женщины. Уже став Императором, он пожалует сыну Великому князю Алексею Александровичу и Александры Жуковской Алексею Алексеевичу (1871–1932) титул графа Белёвского. Но это уже ничего исправить не сможет. Жуковская выйдет замуж без любви и навсегда уедет из России, а Великий князь Алексей останется холостяком.

Будущий царь Александр III никогда не забудет ту, первую свою любовь. Много раз будет вспоминать и размышлять над такими удивительными событиями своей жизни. Пройдет всего несколько месяцев, он женится и станет воспринимать себя и свое поведение весной 1866 года критически. Первого января 1867 года запишет в дневнике: «Много я переменялся в эти месяцы, но все еще много остается переделать в самом себе. Часто молодость заставляет забывать мое положение, но что же делать, ведь раз только в жизни бываешь молод». Цесаревич с трудом учился сложному искусству самообладания.

Глава 6

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ ИЮНЬ ВО ФРЕДЕНСБОРГЕ

29 мая 1866 года, в 3 часа пополудни, от рейда Кронштадского порта отошла Императорская яхта «Штандарт», сопровождаемая кораблем «Олаф». Море было относительно спокойным, и качка небольшой. Цесаревич так устал за последнее время, что отправился спать в тот день рано, и хотя долго не мог уснуть, но спал крепко.

Проснулся довольно поздно, около 9-ти, и, приведя себя в порядок, поднялся пить кофе в кают-компанию. Там уже собралось все небольшое общество: Великий князь Владимир Александрович, граф Перовский, Бака Барятинский, офицеры экипажа. Затем курили, обсуждали всякие разности, гуляли по палубе. Позже Александр читал, а перед обедом, как всегда, немного вздремнул. Потом пили чай, опять курили, болтали, а после Цесаревич поиграл на корнете.

Вечером выяснилось, что механик яхты неплохо играет на фортепьяно. Он был немедленно вытребован Наследником и исполнил ему несколько фортепьянных пьесок собственного сочинения. Причем Александр Александрович даже музицировал с ним дуэтом. Последующие несколько дней плавания походили один на другой.

А в Копенгагене ждали, готовились к встрече, и больше всех – Дагмар. Прошло больше года с тех пор, что видела последний раз Александра, много воды утекло. Как они встретятся, что он ей скажет и скажет ли что-нибудь?

За прошедшее время они почти не переписывались; десяток ее коротких посланий и несколько ответных от него – вот и все. Но зато с Русским Царем Датская Принцесса вела довольно интенсивную переписку. Трудно сказать, в какой мере это являлось тонко рассчитанным ходом, а в какой – проявлением искренних душевных симпатий. Дагмар понимала, что окончательное решение ее судьбы будет в значительной степени зависеть от Императора. И она постоянно корреспондировала ему, пользуясь каждым удобным случаем.

В августе 1865 года в Данию нанесла визит русская военная эскадра под командованием брата Царя, генерал-адмирала Великого князя Константина Николаевича. Принцесса участвовала в торжественной встрече, беседовала с Великим князем и затем посетила русские корабли. Сразу же Царю в Петербург полетело ее послание: «Вы представляете, дорогой Папá, какие чувства я испытала, посещая в первый раз территорию России, и каким радушным и симпатичным был прием, который никогда не исчезнет из моей памяти. Это был такой прием, который облегчил для моего сердца тот трудный и страшный первый момент. Я также распознала Ваше сердце в сердце Вашего милого брата, который доказал мне, что он просто прочитал все, что творится в этот момент в моей душе. Хочу сказать Вам, что я очень хочу увидеться с ним вновь, также как и со всеми вами!»

Письма любящей дочери обожаемому отцу... Она не позволяла ничего лишнего, ничего, что выходило бы за рамки этой, раз и навсегда принятой роли. В октябре 1865 года признавалась Царю: «Я даже не могу найти слов, чтобы объяснить Вам, как я была тронута, поняв по Вашему письму, что Вы все еще видите во мне одного из Ваших детей. Вы знаете, дорогой Папá, какое значение я этому придаю, и что ничто не может меня сделать более счастливой. Вот мы уже шесть месяцев без нашего любимого Никса. И только год, как я его увидела отъезжающим в полном здравии! Все это время было мучительным для меня со всеми этими дорогими воспоминаниями о моей недолгой мечте о счастье, за которую я никогда не перестану благодарить небо».

Она теперь писала обращение по-русски («Мой душка Па»), как бы подчеркивая свою привязанность к языку ее новых родственников. «Мечта о счастье», за которую Дагмар «не

переставая благодарить небо», не развеялась. Она могла стать яввю, и русский Наследник, как вполне определенно написал Царь в начале 1866 года, непременно приедет в Данию «для серьезного разговора». Она ждала этой встречи, она ее боялась и надеялась на нее.

31 мая яхта «Штандарт» сделала краткую остановку на шведском острове Готланд. Цесаревич со спутниками совершил большую прогулку по живописной местности. Затем подняли якорь и снова тронулись в путь. Рано утром 2 июня вошли в датские территориальные воды в заливе Зунд, бросили якорь и несколько часов выжидали, чтобы прийти в намеченное время. В 12 часов подошли к местечку Гелембек – пригороду датской столицы, где и стали на якорь. До Копенгагена было рукой подать.

Здесь к борту Царской яхты подошел катер с русским послом при Датском Дворе бароном А.П. Николаи (1821–1889) и с датским адмиралом Ермингером, назначенным сопровождать Его Императорское Высочество. Затем на собственном катере русские визитеры и сопровождающие лица прибыли к пристани, где Александра ожидал Король со свитой. Представление сопровождающих, обмен любезностями... По завершении официальной церемонии Король пригласил Александра и Владимира в свою карету, которая направилась во Фреденсборг.

Во Фреденсборгском парке кортеж встретился с экипажем, в котором находились Королева и Принцесса Дагмар. Александр был несколько сконфужен, но старался не показывать смущения. Образ возможной невесты вызвал много чувств.

«Ее милое лицо мне напоминает столько грустных впечатлений в Ницце и то милое и задушевное время, которое мы провели с нею в Югенхайме. Опять мысль и желание на ней жениться снова возникли во мне». Было целование рук, приветствия. Король и Александр пересели к дамам, и кортеж тронулся. Через несколько минут сквозь густые зеленые заросли показалось светлое массивное здание королевского дворца. У парадной лестницы стояли придворные и младшие дети Короля: дочь Тира (12 лет) и сын Вальдемар (7 лет).

Христиан IX лично проводил Русского Наследника до его апартаментов, не скрыв от него, что именно в этих комнатах останавливался в прошлом году его брат Николай. Александр внимательно осмотрел помещения и нашел на стекле одного из окон нацарапанные имена Nix и Dagmar. Он сразу же вспомнил, как милый Никса написал ему об этом. Александру стало невыразимо грустно, ком подступил к горлу. Но сдержался, не заплакал. Помолился и обратился к дорогому брату с просьбой молиться за него и попросил Бога устроить его земное счастье, его счастье с Дагмар.

Затем состоялся поздний завтрак в присутствии лишь членов Королевской Фамилии и русских гостей. Александр сидел между Королевой и Дагмар. Чувствовал себя стесненно, не знал, как себя вести, что говорить, какие темы обсуждать. Почти ничего не ел и произнес за столом всего несколько общих фраз. Он впервые в жизни оказался далеко от дома, окруженный малознакомыми и незнакомыми людьми, проявлявшими к нему повышенный интерес. Надлежало не потерять лица, надо было суметь показать себя светским и учтивым. Это было трудно, ой как трудно, в особенности для такой несветской натуры. Брат Владимир вел себя значительно уверенней и бойко рассказывал о путешествии. Слава Богу, завтрак быстро кончился.

После гуляли в парке, сидели и беседовали в апартаментах у Короля, отдыхали. В 6 часов – парадный обед. Мужчины были во фраках и лентах, дамы в вечерних туалетах. Король был невероятно внимателен и наградил Владимира высшим датским орденом – орденом Слона (Александру этот орден был пожалован еще зимой). Неловкость не проходила. Цесаревич все еще чувствовал себя не в своей тарелке, мало говорил. Он даже стеснялся лишней раз посмотреть в сторону Дагмар, сидевшей от него по левую руку.

На вечернем рауте было то же самое. Он лишь несколько раз улыбнулся, встретившись глазами с Дагмар, и она ответила ему улыбкой. На сердце немного полегчало. Но настроение в общем мало изменилось. Разошлись около двенадцати. Первый день во Фреденсборге оказался

для Наследника трудным. Он во многом не был уверен, терялся в догадках насчет будущего, но в одном теперь не сомневался: он хотел бы жениться на Дагмар.

На следующий день, 3 июня, Александр Александрович чувствовал себя значительно уверенней. Неловкость исчезала, и роль дорогого гостя Королевской Семьи переставала угнетать. Завтракать все поехали в парк. Столы были сервированы на берегу озера, и обстановка была совсем непринужденной. Много говорили, шутили. После завтрака пили вино, болтали обо всем на свете. Всем было хорошо.

Александр настолько раскрепостился, что вместе с Владимиром рискнул спеть несколько куплетов из новой оперетты Жака Оффенбаха «Прекрасная Елена», которая тогда вошла уже в моду в Петербурге, но которую еще не знали хозяева Фреденсборга.

Александр благодарил Папá, что тот послал вместе с ним брата Владимира, сумевшего очень быстро освоиться в новой обстановке и завоевать расположение многих, а для младших детей, Тиры и Вальдемара, сделаться просто предметом обожания. Но больше всего Александр был благодарен судьбе за то, что она познакомила его с Дагмар, которой он теперь любовался каждую минуту.

Датская Принцесса Цесаревичу все больше и больше нравилась. Он со стыдом вспоминал свои сомнения и мечтал о женитьбе на Дагмар. Но сумеет ли он убедить ее стать его женой, сможет ли он найти слова, которые тронут ее душу и заставят сказать желанное «да»? Он этого не знал. Будучи скромным, застенчивым и чувствительным, Александр Александрович не склонен был надеяться на доводы рассудка, не думал, что только династические интересы заставят честную и искреннюю девушку стать женой человека. Он и сам не представлял брака без любви.

Цесаревич мечтал, чтобы Дагмар его полюбила. Они все время были вместе: на прогулках, за столом на завтраках и обедах, вечером, играя у короля в лотто-дофин. Он находил ее «очень милой». Ее манера разговаривать с ним, как с давним знакомым, была так симпатична. На второй день своего пребывания в Дании сын писал Царю: «Я чувствую, что могу и даже очень полюбить милую Минни, тем более что она так нам дорога. Дай Бог, чтобы все устроилось, как я желаю. Решительно не знаю, что скажет на все милая Минни; я не знаю ее чувства ко мне, и это меня очень мучит. Я уверен, что мы можем быть так счастливы вместе».

Александр был по душе и общая обстановка жизни Королевской Семьи, где отношения были значительно проще и сердечней, чем то, что он наблюдал в Петербурге. Здесь же меньше придавалось значения формальностям, а люди могли общаться, не обращая особого внимания на династическую субординацию и придворный этикет. При Дворе дозволялось быть самим собой почти всегда, в любой обстановке.

4 июня вернулся из путешествия брат Дагмар Фреди, которого Александр уже считал своим давним другом. Прибытие кронпринца прибавило Цесаревичу уверенности.

Время проходило во встречах, прогулках, беседах, посещениях различных мест. В один из дней русских гостей отвезли в замок Эльсинор, где провел свою короткую жизнь несчастный, легендарный шекспировский принц Гамлет и где визитерам была показана даже его могила. Александрзнакомился с интересной страной, где прошлое и настоящее теснейшим образом переплеталось. Здесь жили гордые, спокойные и независимые люди, здесь царил жизненный уклад, ранее ему совсем незнакомый. Он полюбит Данию всей душой и это чувство пронесет через всю жизнь. Возникло же оно у Александра Александровича тогда, в том переломном для него, 1866 году.

Некоторые дни особенно были насыщены переездами и событиями. Например, 5-е июня. С утра Александр вместе с принцем Фредериком, свитой и датскими сопровождающими поехали в Копенгаген, где решили все вместе сфотографироваться и сделать визиты. По пути случилась неприятность: их экипаж сбил на дороге мальчика, у которого оказалась сломанной нога. Все сразу вышли из карет, приняв самое живейшее участие в судьбе ребенка, который

немедленно был препровожден в ближайшую больницу. Этот случай заставил всех очень переживать, а позднее пострадавшего посетили и члены Королевской Семьи, и Наследник Русского Престола.

Затем были у фотографа, где сделали памятные снимки, посетили русскую церковь, занимавшую тогда лишь одну комнату в небольшом, обычном доме. Далее – завтрак в русском посольстве. Проведя там немногим более часа, отправились в королевский музей. Здесь было много редкостей и диковин, о существовании которых Цесаревич не догадывался. Особенно его поразил «пояс целомудрия», сложная «штука с замком», которую надевал на свою возлюбленную правивший в XVI веке в Дании король Христиан IV, «чтобы она ни с кем не могла быть в связи».

В этот же день Александр встретился с братом Алексеем, служившим гардемаринном на корабле «Ослябя», пришедшим с визитом в Копенгаген. В столице Датского Королевства впервые собрались вместе три русских Великих князя. Поехали на королевский обед во Фреденсборг. Обед был многолюдным и весьма оживленным. Играла музыка, и Александр и Минни не столько были заняты застольем, сколько беседой, первой их беседой «тет-а-тет». Хотя кругом было множество народа, но можно было быть уверенным, что никто ничего не услышит, так как звуки королевского оркестра заглушали все голоса. После обеда Минни «крепко пожала руку» Наследнику, сказав, что ей было очень приятно с ним разговаривать.

Такое признание наполнило душу радостью. У него возникало убеждение, что Принцесса к нему равнодушна. Вечером Александр занес в дневник впечатления дня, а в конце написал: «До сих пор я еще не предпринял ничего решительного. Собираюсь на днях говорить с Фредди. Хочется поскорее, да не решаюсь, а уехать без ничего невозможно, да и не следует. Дай Бог, чтобы все уладилось, как я бы желал. Молюсь постоянно об этом».

Дни шли, а Цесаревич все никак не отваживался на объяснение. Ситуация становилась двусмысленной. Все знали, зачем Русский Престолонаследник приехал в Данию, все были уверены в благоприятном исходе его миссии, все... кроме самого Александра. Что-то ему все время мешало превозмочь себя и выяснить ситуацию до конца. Он написал родителям, где объяснил свое состояние. «Она мне еще больше понравилась теперь, и я чувствую, что я ее люблю, и что я достоин ее любить, но, дай Бог, чтобы и она меня полюбила. Ах, как я этого желаю и молюсь постоянно об этом. Я чувствую, что моя любовь к Минни не простая, а самая искренняя и что я готов сейчас же все высказать ей, но боюсь».

Нерешительность Цесаревича ставила в неловкое положение и Дагмар. Чем дальше, тем больше эта неловкость ощущалась и ею. Она ждала и тоже писала Царю. «Первый момент, когда я увидела дорогих братьев, был для меня очень тяжелым, потому что Вы понимаете, дорогой Папа, с какими смешанными чувствами я их приняла, главным образом Сашу! Мы поехали на встречу с ними, чтобы не принимать их на том же месте, куда прибыл мой любимый Никс. Мои дорогие родители сделали все возможное, чтобы облегчить для меня тот тяжелый момент, во время которого столько воспоминаний вернулось в мое сердце. Но теперь я счастлива. И их радость оказала на меня такое воздействие, которого я и сама не ожидала. Вы понимаете, что мы говорим о нем, и каждое место кажется им знакомым».

Тень умершего Николая незримо витала над Фреденсборгом, сковывая действия и решения Александра. Несколько раз он уже почти подходил к важнейшей для него теме, но в последний момент опять «духу не хватало». Минни ему становилась близкой. Он радовался каждой новой встрече, ему нравилось, как она играет на фортепьяно, как она рисует, как она смотрит, как она смеется. Чем сильнее становились чувства, тем больше он боялся ненароком разрушить его. Дагмар постоянно говорила о Никсе, все время вспоминала его прошлогоднее пребывание в Дании. Это трепетное внимание свидетельствовало о том, что она любила и все еще любит покойного. Но надо было что-то делать.

8-го, вечером, Александр имел обстоятельный разговор с Фредериком. Он прямо спросил датского принца-друга, насколько возможно, чтобы Минни дала согласие стать его женой. Фреди сразу же заявил, что он почти уверен в благоприятном ответе, что родители тоже – за. Минни, по словам брата, питает большое расположение к Александру, зная, как его любил умерший Никс. Разговор вселял надежду, и на душе у Александра «стало немного легче». Фреди обещал завтра же серьезно обсудить с родителями эту важную тему.

Принц Фредерик сдержал обещание и утром же поговорил с отцом – королем Христианом IX, пригласившим затем для разговора Александра. Беседа Цесаревича с Датским Королем состоялась в королевской конюшне, куда Монарх каждый день ходил кормить лошадей хлебом. Король сказал потенциальному зятю, что «он совершенно согласен и позволяет мне говорить с Минни, когда я хочу. Но попросил подумать хорошенько, могу ли я ее любить и отвечать за будущее. Я отвечал, что за это я отвечаю, и что никогда не решился бы просить ее руки без этого. Тогда Король пожал мне крепко руку и сказал мне, что успел меня полюбить так же, как и моего милого Никсу. Я от всей души благодарил его за это, и мы расстались».

Король любил дочь и искренне желал ей счастья. Но он знал о скандальных слухах, о пламенной страсти князя Александра к русской княжне, просочившихся из России и ставших темами статей в некоторых европейских бульварных газетах. Правда, Царь уверял его в письме, что это все лишь досужие салонные сплетни, но некоторая тревога у Короля оставалась. Он раньше ведь совсем не знал второго сына Императора Александра II, и когда тот приехал в Копенгаген, то Король внимательно и придиричиво всматривался в облик и поведение молодого русского, стараясь понять и оценить его.

Впечатление складывалось самое благоприятное: серьезный, основательный, добросердечный молодой человек, говоривший мало, но всегда весомо. К тому же истинный христианин. Про него никак нельзя было сказать, что это светский жуир или салонный бонвиван. Может быть, ему несколько не хватало аристократического лоска и изящества манер, но это такие мелочи, которые поддавались исправлению. Главное, чтобы Минни и Александр любили друг друга. Дочь была явно равнодушна к Русскому Принцу, а после беседы в конюшне Король понял, что и Александр питает большое чувство к Дагмар.

Вступив на Датский Престол в ноябре 1863 года, Христиан IX был заинтересован в брачной унии с Домом Романовых. Эта заинтересованность постоянно возрастала. Общеполитическая ситуация в Центральной Европе обострялась, и будущее Датского Королевства делалось трудно предсказуемым. В 1864 году территория Дании уже сократилась чуть ли не наполовину, а впереди маячили новые опасности. Эпоха посленаполеоновского устройства в Европе подходила к концу. Созданный на Венском конгрессе 1815 года Германский союз – конфедерация юридически самостоятельных немецких государств (в 1866 году их число достигало 32), в котором главенствующую роль играла Австрийская Империя, явно доживал свой век.

В 1864 году Дания потерпела поражение в войне с Пруссией и Австрией и уступила победителям Шлезвиг, Гольштейн и Люнебург, районы, населенные по преимуществу немцами. Кроме того, Дания фактически лишалась всякого влияния в делах Германского союза и оттеснялась на далекую периферию европейской политики.

В 1866 году началась война между Пруссией и Австрией за гегемонию в Германии. В те дни, когда Наследник Русского Престола прибыл в Копенгаген, прусская армия развернула свое продвижение на Юг и на Запад, овладев Дрезденом, Ганновером, Касселем. Через несколько недель Пруссия завершит военную кампанию полным разгромом Австрии, что приведет к ликвидации Германского союза и ускорит создание консолидированного Германского государства под главенством династии Гогенцоллернов.

Для Датского Королевства соседство с Пруссией – причина постоянных тревог и волнений. Династическая уния с Россией могла бы стать одной из опор датского суверенитета. Однако осуществление подобного проекта непосредственно зависело от того, смогут ли дого-

вориться Датская Принцесса и Русский Наследник, сумеют ли они понять и полюбить друг друга. Они сумели и смогли.

Долгожданное для всех объяснение случилось на десятый день пребывания Цесаревича Александра Александровича в Дании. Была суббота, 11 июня. Дело происходило во Фреденсборге. День начался, как и предыдущие. После утреннего чая Престолонаследник гулял с Алексеем, Владимиром и Фредериком. Затем все сели рисовать. Ближе к завтраку Минни пригласила посмотреть ее комнаты наверху, где Александр еще не бывал. Поднялись вместе с Королем, но Христиан IX и Великий князь Алексей скоро ушли.

Александр и Дагмар остались одни. В этот момент предусмотрительная принцесса Тира закрыла их на ключ. Путь к отступлению был отрезан. Должно было случиться неизбежное, и оно случилось. Дальнейшее развитие сюжета описал сам будущий Царь.

«Сначала осмотрел всю ее комнату, потом она показала мне все вещи от Никсы, его письма и карточки. Осмотрев все, мы начали перебирать все альбомы с фотографиями... Пока я смотрел альбомы, мои мысли были совсем не об них; я только и думал, как бы решиться начать с Минни мой разговор. Но вот уже все альбомы пересмотрены, мои руки начинают дрожать, я чувствую страшное волнение. Минни мне предлагает прочесть письмо Никсы. Тогда я решаюсь начать и сказал ей: говорил ли с Вами Король о моем предложении и о моем разговоре? Она меня спрашивает: о каком разговоре? Тогда я сказал, что прошу ее руки. Она бросилась ко мне обнимать меня. Я сидел на углу дивана, а она на ручке. Я спросил ее: может ли она любить еще после моего милого брата? Она отвечала, что никого, кроме его любимого брата, и снова крепко меня поцеловала. Слезы брызнули и у меня и у нее. Потом я ей сказал, что милый Никса много помог нам в этом деле и что теперь, конечно, он горячо молится о нашем счастье. Говорили много о брате, о его кончине и о последних днях его жизни в Ницце».

Наконец-то долгожданное событие произошло! Дверь отперли, и к молодым пришли с поздравлениями: Королева, Король, родственники и приближенные. Некоторые плакали от радости. Этот день был полон слез и сумбурной суеты. Александр сиял, страшная ноша спала с плеч. Минни плакала, смеялась и была счастлива.

Объявили о помолвке. Затем был обед на воздухе на берегу моря, и тосты звучали много раз. Шестнадцатилетний Великий князь Алексей Александрович был так рад за старшего брата, что несколько переборщил с возлияниями и потом «не помнил, что говорил и что происходило».

В тот же день послали телеграмму в Россию и на следующий день получили ответ от родителей: «От всей души обнимаем и благословляем вас обоих. Мы счастливы вашим счастьем. Да будет благословение Божие на вас».

Александр подарил Дагмар подарки от себя и от родителей, которые произвели большое впечатление на всех. Блеск бриллиантов, изумрудов, жемчугов привел Датскую Принцессу в неописуемый восторг. Она восторгалась как дитя. Всю свою жизнь она любила украшения и, переехав в Россию, имела огромную и изысканную коллекцию, состоявшую главным образом из подарков ее дорогого Саши.

На следующий день Александр отправил обстоятельное письмо родителям, которое начал так: «Милые мои Па и Ма, обнимите меня и поздравьте от всей души. Так счастлив я еще никогда не был как теперь». В этот день в Петербург отправлялся нарочный, чтобы передать русскому Царю письма, которых там уже с нетерпением ждали.

Послала свою депешу Царю и Дагмар: «Душка Па! Я обращаюсь к Вам сегодня как невеста нашего дорогого Саши. Я знаю, что Вы меня примите с любовью! Теперь мне только остается добавить, что я себя чувствую вдвойне привязанной к Вам и что я вновь Ваш ребенок. Я прошу Бога, чтобы он нас благословил, чтобы я смогла сделать счастливым дорогого Сашу, чего он заслуживает!»

В свой первый день в качестве жениха Александр встал рано и вместе с братьями поехал в Копенгаген, где священник И.В. Рождественский (1812–1882) отслужил для них обедню и благодарственный молебен в русской церкви. Затем опять был обычный, но теперь уже окрашенный особыми обстоятельствами день. Гуляли, обедали, разговаривали, катались на лошадях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.